

ОДИНОЧКА

роман

МАРГАРИТА
РОНЖИНА

18+

Маргарита Ронжина

Одиночка

«Альпина Диджитал»

2023

Ронжина М.

Одиночка / М. Ронжина — «Альпина Диджитал», 2023

ISBN 978-5-00-223026-6

Дебютный роман Маргариты Ронжиной «Одиночка» тонко ведет по пяти эмоциям – этапам проживания горя. Главная героиня, Саша, находит себя в больнице с новорожденным мальчиком и чувствует – с ним что-то не так. Она остается одна и пытается балансировать между своими желаниями и страшным осознанием, что как раньше уже не будет. Саше предстоит пройти долгий путь принятия себя в новом статусе, своего ребенка, который никогда не будет «нормальным», научиться строить отношения и без паники их отпускать, а еще – быть счастливой не вопреки своей жизни, а благодаря ей. Это история о человеческой силе, преодолении и надежде.

ISBN 978-5-00-223026-6

© Ронжина М., 2023

© Альпина Диджитал, 2023

Содержание

один	8
два	18
три	27
четыре	38
пять	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Маргарита Ронжина

Одиночка

Редактор *Мария Головей*
Издатель *П. Подкосов*
Главный редактор *Т. Соловьёва*
Руководитель проекта *М. Ведюшкина*
Арт-директор *Ю. Буга*
Корректоры *Т. Мёдингер, О. Смирнова*
Компьютерная верстка *А. Фоминов*

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© М. Ронжина, 2023
© ООО «Альпина нон-фикшн», 2023

* * *

МАРГАРИТА
РОНЖИНА

ОДИНОЧКА
роман

АЛПИН
ПРОЗА

Москва, 2023

нам, С

ОДИН

(детская больница, семь дней после родов)

Ее нашли на полу, у разбитой больничной ванны, и сразу отвели в палату.

Как-то поддерживали, как-то укладывали, что-то встревоженно шептали. В глаза ее смотрели, смотрели несколько сотен пар глаз *а может, лишь одни* но она этого уже не понимала. Зрение расслаивалось, мерцало, как-то тоже мешалось. Хотело измучить. Играло. И конечно, лучше было бы ей закрыть глаза, закрыть их насовсем или на секунду *как же заранее поймешь* да, закрыть. Но глаза уже не слушались, но глаза все не закрывались.

«Отдыхайте», – сказали ей, когда только привезли и разместили в палате.

«Отдыхайте», – сказали ей и, наверное, почти не издевались. Отдыхайте, рядом с младенцем, таким маленьким, что страшно дотронуться, что страшно на руки взять, да и зачем. Зачем?

Там, еще в роддоме, врачи приняли сложные роды – и что-то знали. Медсестры буднично наблюдали ее, Сашу, в первые часы в реанимации, в послеродовой, почти нежно спрашивали о самочувствии – и тоже что-то знали. Действовали строго по инструкции, но что-то скрывали, скрывали с жалостью, с сочувствием, с пугающей, зомбирующей опаской.

Хотели что-то сказать?

А может, и хотели, но ждали, что она забудет о процессе, о том, как что-то растягивалось, расходилось, рвалось *и жалось, да, и давило, и тянуло, и опять рвалось-рвалось* Ждали, что она возьмет его на руки, его, крошечного истукана, и найдет, пробудит вместе с молозивом и молоком – свой спящий материнский инстинкт.

И вот родила, только-только пришла в себя, как ее и младенца перевели в детскую больницу. Ничего конкретного не сказали, ничего не объяснили, не дали времени посоветоваться с родственниками *если бы они были* лишь предупредили – не выписываем, нет, о доме и думать забудьте, вам нужно сначала разобраться со здоровьем ребенка.

А Саша покорно делала, что говорили, и была довольна, что кто-то рядом. И она лежала *каменная Ниоба, и слезы все текли, и текли, и слезы были сухими* Посматривала на младенческий кувез, стоявший совсем близко, рядом с ее кроватью. Это был уже не роддомовский бокс, где она наблюдала за запеленатым свертком через стекло. Нет. Он был тут. Тут. С ней.

И он дышал.

И нужно было с ним что-то делать.

Его было жутко даже трогать, и она этого делать не собиралась. Надо немного привыкнуть, познакомиться, пока можно еще кого-нибудь позвать. Медсестра и так показала – и даже не одна медсестра и не один раз за эти дни, – как правильно поддерживать головку, как менять подгузник.

Он был не очень красивым. Саша вроде это понимала, но раз за разом приглядывалась – хотела увидеть что-то другое, новое, симпатичное. Как будто ждала, что вот оно там распахнется и откуда-то вместо этого альденте-младенца вылезет нечто более приятное, розовощекое, более понятное.

Но никто не появлялся. Они оставались один на один.

Мальчик не двигался. Лежал ровно, с закрытыми глазами, со всеми этими подключенными трубками. Она отвернулась к стене и с головой накрылась клетчатым одеялом.

Может, вот так замереть и никуда не вставать? Анабиозно выждать, пока все пройдет, рассосется, забудется, разойдется. И смотреть, и смотреть в эту зеленую, неровно окрашенную стену с глянцевыми потеками. Не мигать, пробовать как можно дольше не мигать, чтобы водная пелена размыла реальность. А потом встать и уйти *куда, откуда*

– А ну-ка, рано еще спать, – раздалось где-то сверху.

Саша не шелохнулась, хотя от неожиданности бойко застучало сердце. Ребенок закричал, но почти сразу замолк. Чьи-то руки сдернули с плеч колючую ткань, пришлось обернуться. Широкая женщина в белом, но каком-то ином, немедсестринском халате.

– Разлегалась, – зычно продолжила сестра-хозяйка. – Пойдем, покажу отделение. Времени тебя ждать нет, давай быстрее.

– Сейчас.

Саша села и угрюмо сунула обе ноги в мягкие белые, уже начинавшие сереть, тапочки.

– Ты смотри, пока одна живешь, но после выходных подселим кого. Тумбочку, смотрю, завалила. Когда обход, когда врачи придут осматривать, вещи свои прячь внутрь, особенно женские, а то мужчины-доктора заходят, а у некоторых трусы, прокладки и все вверх дном. Постыдились бы.

вещи, особенно женские

– Пойдем, пойдем дальше, что сидишь, – от глубокого зычного голоса закладывало в ушах. – Одна, думаешь, у меня?

Саша тяжело встала и поплелась за женщиной. В коридорах пахло не медикаментами, а едой, стены окрашены в приятный травяной цвет. На скамейках сидели, будто отдыхали после бани, женщины, и все – в домашних халатах.

– Значит, так. Здесь пост медсестры. Каждый день до восьми утра измеряй температуру себе и ребенку, записывай в журнал, вот он тут всегда лежит открытый. Если что-то случилось, на посту даже ночью есть дежурные, обращайся. Так, дальше у нас постирочная и сушка белья. Свою одежду запоминай и забирай, как высохнет, не оставляй надолго. А то повисят, и ищи-свищи целыми днями.

Туалетная бумага хранится тут, дверцы скрипят, тьфу ты. Ладно. Дальше. Столовая. Завтрак, обед и ужин четко по расписанию. Скоро запомнишь. Если что, буфет внизу, но там что-то мелкое купить; продуктовых напротив тьма. Мамочки договариваются с соседками и ходят до супермаркета по очереди.

Здесь процедурная, на уколы сюда, как позовут. Врачи принимают за пределами отделения. Медсестра все покажет.

– Когда придет врач?

Сестра-хозяйка так привыкла слушать только себя, что вопросу – и тому, что Саша вообще открыла рот, – очень удивилась и перешла на «вы».

– Это не ко мне. Ждите.

ждать. но... чего?

К вечеру отделение замерло: закончился ужин, женщины разошлись по палатам, и Саша поняла, что врач не придет.

Младенец просыпался, ворочался, плакал. Медсестра поменяла лекарство в капельнице и подгузник; потом показала, как докармливать ребенка смесью. Взглянула на Сашу, та стояла рядом и бесцветно наблюдала. Вздохнула. Отдала бутылочку. Ушла на пост. Не она, женщина в белом.

Саша так долго удерживала левой рукой бутылку, что, когда та опустела, не сразу смогла разогнуться. Спину ломило, ноги затекли. Но снова можно было представлять себя одной, представлять, что все прошло *что*

Нужно умыться.

Не очиститься, не прийти в себя, не почувствовать себя чистой, а механически совершить хоть какие-то привычные действия. Она дошла до ванной, застыла перед раковиной, долго терла каждый палец. Прошагала назад в палату. Чего-то смутно хотелось, но не понять чего. Посмотреть бы на улицу.

За шторами зеленел внутренний двор, внутренний мир: кусочек ветвистой аллеи, свежескрашенные бликующие лавочки, курящие мужчины-посетители.

В окнах бликовало другое, нечто такое, от чего полагалось бы зажмуриться. Но Саша не зажмурилась, она придвинулась еще ближе, чтобы разглядеть тени на стекле.

Холодная поверхность обнажала грязные волосы в неаккуратном пучке, блестящее, какое-то пористо-рыхлое *как срез домашнего хлеба* лицо. Под футболкой, словно недавно родившей самой, обозначался недавно родивший живот *уципнула* и печально вмещался он между Сашиними большим и указательным пальцами. Синие соски постоянно болели, ныли от мучительного, дрожаще-неумелого сцеживания. Рана между ног все не затягивалась, саднила. Вся Саша саднила. Вся Саша пылала болью.

Вот бы взять, подумала она, вот бы взять, поднять эту бесформенную *как сама* футболку и прижать, прижаться ореолами к стеклу. Как было бы хорошо. Так хорошо. Гораздо лучше, чем смотреть на эту отзеркаленную соседку, постаревшую женщину двадцати шести лет.

Но не подняла, не прижала. Завернулась с головой в одеяло, поежилась от колючего, обхватывающего, пугающего. Уснула.

Утром уголок одеяла стал мокрым, закусанным.

Но голод не ощущался. Голод перестал существовать еще со вчерашнего дня, когда все, что влезло в желудок – два злаковых батончика, – не очень приятно и почти сразу его покинуло. Про завтрак она даже и не подумала, сходила в туалет, к журналу – записать температуру, а потом сбежала в палату, в свое убежище.

Ребенок заплакал и плакал долго. Саша с испугу правильно поменяла подгузник, покормила из бутылочки, но сирена не унималась. Взяла его на руки, в пеленке, стала укачивать. Надо было найти ту самую кнопку, тот самый алгоритм: вправо-влево, вверх-вниз, чтобы ребенок затих у нее на руках. И он затих.

Сладостную, распадающуюся тишину можно было слушать вечно. Но ей не сиделось. Когда же позвонят ко врачу? Она пошла искать.

Двенадцать. В коридоре оживленно предобеденно куда-то – как будто просто туда-сюда – ходили женщины. Пахло жидким супом, котлетами и школьными булочками с сахаром. Сестринский пост пустовал.

Саша хотела дойти до процедурной, развернулась и случайно пнула красную шапочку. Большую, на взрослого человека бы налезла. Оглянулась. Коридор вдруг опустел, только надвигалась пожилая женщина с коляской, ее Саша видела не первый раз – та катала, прогуливала ребенка туда-сюда по коридору.

– Это не ваша шапочка? – спросила Саша и исправилась, взглянув вниз. – Или вашего ребенка?

И смутилась. По возрасту эта монолитная, из камня высеченная женщина больше подходила на роль бабушки.

Мальчик наскоро, чисто, но небрежно-хаотично одет. Да, большая шапка была для него, вернее, для грушевидной перебинтованной головы.

– Он не мой, я сопровождающая няня от фонда, – последовал автоматический, поскрипывающий металлом ответ. – От него отказались родители.

– А после? – еле слышно выговорила Саша.

– Что после?

– Что будет с ним после больницы?

– Его отвезут в дом малютки, – равнодушно проговорила няня, – и там хорошо позаботятся. Там он не один такой, большеголовый, будет.

Замолчали, и Саша уже хотела уйти, как вдруг женщина произнесла:

– Я видела этих родителей, вернее, мать. Наркоманка и алкоголичка. Хорошо, что отказалась, а не выбросила голодного ребенка на помойку или в морозилке не закрыла. Спасибо за шапку. А то из своего кармана покупать. Зарплаты на них всех не хватит.

сердца на них всех не хватит

Но Саша ничего не успела ответить – ее окликнули по фамилии. За ней пришли.

Пора.

Пока шла, как на эшафот, за бодро семенящей медсестрой с папкой под мышкой, то особо ничего и не чувствовала. Ведь знала – и раньше, и всегда, – что люди в белом определенно что-то умалчивают. До этого – сил самой что-то спросить не было, но ведь сейчас ведут же. И расскажут. Признаются в чем-то страшном.

Прямо, налево, пятая дверь справа. История болезни в руках – теперь ее. Пошла.

– Я присмотрю за ребенком, – предупредила медсестра.

Саша кивнула. Кивок получился скомканным, сбитым, будто она хотела кивнуть, но в последний момент передумала или чего-то в таком кивке вдруг испугалась.

– Спасибо.

– Ну, идите, идите, врач ждет, – поторопила медсестра.

И пришлось войти. В этот кабинет, где сидели несколько врачей, и все они как один что-то делали: звенели ложками, пили чай, слушали пациентов, всегда пациентов, всегда чай.

– Александра Валерьевна? – позвал ее усатый, крепко сбитый мужчина.

– Да. Здравствуйте.

Усталый врач указал на стул и принял из рук историю болезни. Как же она не догадалась заглянуть в эту папку? Где же было здравому смыслу бороться со слепой, вышедшей из моды *но пока еще тлеющей, тлеющей, да надеждой?*

– Александра Валерьевна, нужно ваше согласие на операцию. И по общему состоянию...

Боль разливалась медленно *боль ли?* И вроде как доходил смысл слов, обозначающих диагнозы. И смыкались и размыкались губы спокойного, отрешенного доктора. И Саша наконец поняла, что от нее прятали все это время в роддоме, почему отводили глаза.

Может, она оглохла? Сошла с ума?

Шум в ушах нарастал, нарастал, и в один момент показалось, что звуки в мире закончились, все, кроме доктора, разучились говорить. Когда он закончил и сказал ей идти, она встала и пошла.

встала и пошла

Да, можно было ничего не запоминать. У них все записано. Все, что нужно знать, она знала. Ее ребенок никогда не будет здоровым.

Как-то снова оказалась в палате.

Хотела кинуться на кровать, но он проснулся. Закряхтел. Застонал. Пришлось проверить подгузник, а потом долго укачивать младенца на руках. Но он не засыпал, черт возьми, не засыпал и все больше извивался на руках.

Она качала ребенка, баюкала, булькала, осторожно трясла в разные стороны, чтобы он наконец перестал кричать. А потом вздрогнула, вспомнила. А если это – тот самый приступ, о котором предупреждал доктор? Хотела позвать медсестру, но малыш успокоился и обмяк, переводил дыхание. И Саша стояла. И Саша замедляла разогнанное сердце.

Нет. Не так она себе все представляла. Злилась на себя – дуру; на Марка, от которого забеременела, да так и оставила; на врачей, других матерей, общественность, государство.

«Все изменится», – говорили они.

«Ты больше не будешь прежней», – говорили они.

«Любовь к ребенку затмит все, и даже собственные желания», – говорили они.

как же надоели!

а если я не могу? хотелось кричать

а если я не справлюсь? хотелось кричать

а если дальше жизни нет? хотелось кричать

Она качала и кричала. Кричала и качала. Она беззвучно выла, грызла, истязала себя, пока не онемели руки. Пока не онемела душа.

* * *

Тишина наступила не сразу. Сначала нечто врывалось, врывалось неуверенными толчками, преодолевало сопротивление, зудело, юлило, а потом вдруг отстранило нервоточину. Стало оцепенелой, неуверенной тишиной.

Два дня она пролежала на смятой, уже пахнущей младенцем постели, отлучаясь, чтобы покормить и поменять подгузник, дойти до туалета, съесть безвкусный злаковый батончик. Звонили подруги, звонила, конечно, Яна, но Саша не отвечала. В выходные не было врачей, утренних обходов, обязательных дел, и она могла молчать, наслаждаясь одиночеством.

Повезло.

Время вокруг текло медленно, тягуче, мир переворачивался вместе с Сашей на один бок, а потом надолго замирал, пока бок не затекал, и нужно было опять менять положение. Голод не приходил. Еда пахла. Дышала. Что-то обещала. Но зачем? Пока можно и обойтись.

Медсестра зашла в воскресенье, рано утром, попросила занести бумажку для личного дела.

– Найду чуть позже, – пообещала Саша.

Женщина поворчала, ввела лекарство в катетер на голове ребенка и вышла. И снова зашла к обеду.

– Все лежишь? Мне нужно документы отсканировать.

– Сейчас поищу.

– Кто за ребенком будет смотреть, пока ты разлеглась?

– Я, – еле слышно проговорила Саша и резко встала.

Побелела. Покачнулась.

– Ну-ну. Ты совсем не ешь, что ли? Бледная такая, – сощурившись, спросила женщина в белом.

– Ем.

Саша встала у тумбочки, ожидая, когда медсестра уйдет. Но та не двигалась.

– Думаешь, ты одна такая? Да тут целое отделение, да еще с диагнозами пострашнее. Некоторые дети по двадцать операций переживают, месяцами в больничных стенах. Матери все силы на них тратят, а не на... эх... да что тебе...

Вышла наконец.

а что мне другие? я-то одна

Саша присела на корточки и в упор уставилась на светло-серую дверцу с истертой ручкой. Вспоминала-вспоминала, что же надо было найти. Куда она могла положить эту бумажку? Пакеты, пакеты, все эти дурацкие пакеты; набитый рюкзак. Она без разбору начала вытряхивать оттуда вещи. Что тут? *короткая жизнь человека*

ворох скомканных салфеток; еще чуть влажных
файлик со смятыми по углам документами
недоеденная, истертая пачка печенья
пакет с грязным бельем; нет сил разбирать и стирать
крем универсальный: для лица, для тела, для ребенка

шампунь и мыло в скользком пакете; болтается бритва
зарядка для телефона с изломом на шнуре
пеленки, распашонки и штанишки для младенца
кружка, ложка и тарелка; почерневшие
чайные пакетики, обертки от злаковых батончиков; не меньше семи
расческа, попавшая в худенький пакет с трусами; без зубьев
цепочка, подаренная мамой на... на восемнадцатилетие; золотая

Цепочку Саша достала из маленького потайного кармана. Аккуратно расправила на руке и села прямо на пол.

а ведь как новая, а ведь как вчера

«На память, – сказала мама. – Знаю, ты не любишь желтое золото, но я купила эту цепочку давным-давно, на первые заработанные от магазина деньги. Я радовалась, что смогла. И ты все сможешь. Пусть остается как символ».

Саша хорошо помнила. Они сидели в изящном летнем кафе с коктейлями и итальянской пищей с базиликом. Справляли ее поступление на экономический факультет. Слушали и рассказывали каждая о своем. Мама выглядела удивительно молодо – не дашь и сорока.

Что-то стукнуло. Медсестра, придерживая ногой дверь, пролезла в палату и остановилась. Так они с Сашей и смотрели друг на друга. Женщина перевела взгляд на заваленный пол, похмыкала, поставила поднос на застеленную соседскую кровать.

– Нужны горячая еда и питье, чтобы молоко легче прибывало. Тебе же еще кормить грудью.

– Спасибо.

О справке и не вспомнили.

Саша затолкала вещи в рюкзак, а его сунула в тумбочку, еле поднялась и впервые прямо посмотрела на миловидную, среднего возраста женщину в очках, с темными короткими волосами. Ольга Анатольевна – значилось на бейдже. Старше мамы.

– Муж есть? – неожиданно спросила она.

– Нет.

– Кто-то может поддержать? Родители?

– Мама... была... умерла.

– Рак?

– Авария.

Женщина в белом сочувственно цокнула языком. Саша не понимала, почему так спокойно отвечала на личные вопросы. А ей есть что скрывать?

– А отец, бабушки, дедушки?

– Отец улетел по работе, останется, наверное, там, я не знаю. Бабушек давно похоронили.
и праба, праба Пелагею

Папа улетел в день родов. Так было нужно. Обещал, что если с проектом *там* заладится, то ждет дочь с внуком к себе. А если нет, то прилетит обратно, в Москву. Говорил, как рад красавцу-мальчугану. Говорил, что он вырастет спортивным и пробивным, деду будет с кем бегать на лыжах, соревноваться на скалодроме, болеть за хоккейную команду.

Да. Естественно.

– Во-о-т уж, – совсем тепло, почти ласково протянула Ольга Анатольевна и придвинулась к ней ближе. – Всем бывает плохо, но ты ответственна за живого человека! Не хочешь думать о себе, подумай о нем. Страдай, плачь, но то, что должна, делай. Отвлекайся. Выйдешь – сходишь к психологу. А пока пообщайся с другими мамочками. Станет легче. Давай, ешь. Я пойду.

Слова отбивались, дробились, не отскакивали, но и не проникали глубоко. Саша хотела закончить допрос и потянулась к приборам.

Есть. Ну что же. Бледное пюре и аппетитно пахнущая котлета, жидкий чай в стакане, маленькая тарелочка с затяжным печеньем.

Она взяла пюре на кончик вилки и замерла.

– А если я не смогу?

Но уже никто не слышал.

* * *

Не есть нельзя. Но есть по-прежнему не хотелось. Котлета заветрилась, пропала, пюре заledenело; Саша хотела было глотнуть горячего, но и чай остыл. Что же делать, остыл.

Надо выйти туда, в коридор, в столовую, за кипятком и, может быть, за сахаром. Горячего чая хотелось все сильнее и сильнее. Она прождала до ужина. И едва послышалось характерное движение и звон, туда – в коридор и столовую – все-таки вышла.

Она пыталась пробиться к горячей воде – пройти слева холодильники, раздаточное окно и двигаться к дальнему углу, к столу, на котором ждут кулеры, – но как-то встала в очередь, как-то *зачем-то* получила тарелку с борщом. Как-то села около улыбчивой полненькой брюнетки, кормящей сына на коленях. Посмотрела в свою кружку – кипятка там так и не появилось, но появился теплый компот.

Брюнетка с ребенком действовала на Сашу удручающе. Когда-то она мечтала, как покажет фотографии новой себя: усталой, но красивой, уже с младенцем. И все будут поздравлять, и она устроит праздник, и подруги надарят красивую одежду *и плевать на этого Марка*

Рука дернулась. Несколько капель супа расплзлись по клеенке нежирными кляксами. В тарелке еще оставалось много, все, что было положено, и оставалось. Она не съела ни ложки. «Первый день?» – донеслось до Саши. Она помедлила, убедившись, что обращаются к ней и подтвердила, не поднимая головы:

– Почти.

А распевный голос продолжал:

– Ничего, скоро станет полегче.

Саша заторможенно повернулась к подсевшей справа соседке: ухоженная женщина лет тридцати, с кудрявыми волосами, маникюром, подведенными глазами, в аккуратном спортивном костюме *не в цветастом халате*

Рыжая красавица приветливо, сочувственно улыбнулась. Спросила серьезно:

– Сколько ребенку?

– Одиннадцать дней.

– Какой диагноз?

– Я не запомнила.

Рыжая кивнула.

– В первый раз всегда так.

Замолчали.

Соседка с аппетитом ела тушеные овощи из лотка.

надо есть, надо надо надо есть

Саша насильно проглотила несколько ложек остывающего, но вполне съедобного супа. Чуть не вырвало. Машинально она схватилась за компот и поразилась этой жидкой одинаковости блюд. Соленое и сладкое. И то и то разбавленное.

как ее жизнь

– Вот ты где. – Напротив Саши села худенькая симпатичная девушка с малышкой на руках.

– Катя, ну что? – переключилась рыжая и продолжила начатый ими когда-то разговор.

– Добилась. – Та махнула свободной рукой и достала из пакета большой творожок. – Наконец-то сдвинулось. По итогам комиссии назначили операцию. Экстренно ищут место.

– Может, третий операционный день на неделе поставят?

– Да, хирург, не запомнила, как его зовут, должен решить.

– Ну и хорошо, – улыбнулась рыжая, наблюдая, как малышка ест.

– После всех проблем в нашем городе! – Катя закатила глаза и обратилась уже как будто к Саше, но не к Саше, а ко всем, кто мог их сейчас слышать, а целиком историю не знал. – Я сама пришла к неврологу, она меня обсмеяла. Но направление дала. С анализами случилась беда: то напутали в лаборатории, то не так взяли, то врач ушла в отпуск. А потом на приеме сказала вечное «а где же вы раньше были». Я аж дар речи потеряла!

Катя говорила-говорила, но ребенка держала странно: не стоя и не сидя, а так, посередине, Саша не могла объяснить как.

– Да, приходится пока так, – добродушно пояснила она. – Сидеть нельзя, стоять не может. Слава богу, опухоль в позвоночнике скоро вырежут. А то у меня уже рука отваливается. Восемь месяцев как-никак.

– Ой, свою-то Машу в восемь месяцев я еле могла поднять, – воскликнула рыжая.

восемь

почему они засмеялись?

– Ладно, девочки, пора отдыхать.

Рыжая собрала свою посуду, энергично поднялась и чуть наклонилась к Саше:

– Не бойся обращаться, здесь все свои. Поймут, поддержат, поделятся информацией. Если захочешь поговорить, я в первой палате. Приходи.

– Спасибо, – сказала Саша через силу, ей уже было нехорошо.

Мир вокруг подергивался рябью, терялся, мерцал. Вот бы вырвало *все вышло, а выходить-то и нечему* и полегчало. Вот бы вырвало и боль *из сердца* ушла. Вот бы. Но нет. Саша поползла до палаты и долго лежала в кровати. Кое-как покормила и покачала ребенка. От возраста или лекарств он спал и спал, и это было к стати.

Часы шли, шли, но лучше не становилось. Как была, босиком, прошла до пустынной ванной комнаты. Подумала, что вырвет, и наклонилась к раковине. Плеснула несколько раз на лицо, на руки, на грудь – ледяным.

ничего

Посмотрела в свое лицо, не глаза – лицо. И все вокруг снова завертелось, закрутилось, лицо куда-то понесло.

Саша отодвинулась к ванне, нагнулась, оперлась, куда-то поползла. Влезла в зеркало с одной стороны, вылезла с другой. Пыталась оторваться, выбраться на свободу, силилась, силилась и наконец сделала спасительный рывок.

Получилось. Донесла лицо до пола, уцепилась за что-то телом, закружилась туда-сюда, затанцевала в форме плиточных паттернов, в форме прочных роршаховских ассоциаций, меандровых узоров. И там, в этом пестром, мозаичном, так и осталась вальсировать.

нет, как ни крути, не выкрутишь из головы

Вальсировала и вальсировала, пока не упала. Куда-то упала.

И мир спешно покинул ее.

* * *

(настоящее время, три месяца после рождения ребенка)

Люлька отбивала ноги.

Тяжелая, наполненная мальчиком люлька была явно создана не для Сашиных ослабевших рук. Пока она поднималась домой, наверх на четвертый этаж, плечи дрожали, нетренированная спина глухо ныла. Подъездные, слишком яркие лампы раздражали. Пакет, со злополучными продуктами пакет каждый раз стукался о ногу, так, что порвал колготки и уже царапал ногу.

Четвертый этаж без лифта.

Добралась.

Саша зашла в квартиру, поставила люльку на пол, к ногам – дальше не позволяла площадь. Кинула ключи на столик у заляпанного зеркала. Села на тумбу, как была в плаще, обуви, перчатках, и закрыла руками лицо. Пахнуло улицей, железными поручнями автобуса, наступающей осенью.

Как же устала. Морально и физически. Разжать, разжать этот голый нерв в сердце. Но это было не по силам. Не сейчас. Раздеться бы. Умыться. Выпить чая.

очень сложно

Она скинула обувь, одну об другую ногу, и верхнюю одежду. Сразу протянула руку, чтобы выключить за собой свет – привычка от бабушки, – хотя еще не унесла ребенка в другую комнату. Включила, опять. Низкий, какой-то давящий потолок на несколько секунд сбил ее с толку. Оглушил.

Душно, тесно, безобразно, хотя раньше, подбадривая себя, она говорила «компактно». Ведь вполне же обычная, даже уютная квартира, не лучше и не хуже, чем у многих: на пяточке в прихожей вздулся линолеум; бежевые, в мелкий цветочек обои хоть и не висели клочками, как в детстве, но уже устарели и требовали замены; черная тумба и столик с зеркалом – комплект – были из тех вещей, которые не нравятся, но не выбросишь, ведь почти новые.

Ребенок заплакал, напомнил о себе. Саша раздраженно натянула футболку с шортами, а потом раздела стонущее тельце до тонкого слитного комбинезона.

– Ну, пойдем.

Люльку с ребенком расположила на кухне, на полу. Раньше ставила на стул, но теперь боялась неловких движений. Пространство вокруг было заставлено: светло-голубым гарнитуром, электрической плитой, угловым диваном, столом, двумя стульями. Широкий подоконник пустовал, но это было святое место – там она сидела, когда пила кофе.

Нет, на полу надежнее.

Вода нагревалась. Груды наполнились неравномерно: одна чуть больше, чем вторая. Ребенок скоро захочет есть, и надо бы выпить побольше горячей жидкости. Хочет она – не хочет, все для него.

теперь нет, нет своих желаний

Чайник наконец вскипел, Саша плеснула воду в кружку и отдернула руку. Черт! Ошпарилась. Оглянулась на ребенка – он вроде лежал, как раньше, не двигался, но уголки рта, да, уголки рта насмешливо поднялись: «Так тебе и надо, получай, нерадивая, плохо дающая молоко грудь, вокруг которой образовались другие части тела».

– Доволен, значит.

Она смахнула слезы, зло пнула стул, и тот отлетел, громко ударившись о ножку стола. Как-то выходило одновременно и ненавидеть свою слабость, и злиться, да, злиться на ребенка. Маленького, беззащитного. Но требующего, требующего, сосущего!

Он хозяин, господин и повелитель. Она рабыня, которая исполняет приказания: часами укачивать на руках; обнажать коричневые, с отпечатками десен соски; менять памперсы; поддерживать комфортную температуру тела и, конечно, своевременно обеспечивать лекарствами. Иначе посинения, приступы, да мало ли что еще.

Ему требовалась вся Сашина жизнь. И это невыносимо. А что, если так подумать, ей оставалось делать? Не ухаживать? И пусть кричит, пока добрые соседи не позвонят куда надо?

невозможные мысли

Всхлипнула. Подставила руки под ледяную воду, и сердце – вместе с обжигающей болью – потихоньку успокаивалось. К черту! Пора кормить. Чай можно пить параллельно. Расписание, установленное в больнице, нарушать не хотелось.

Саша поставила кружку на стол, достала мягкое, будто лишенное всех косточек, тело ребенка, залезла в угол на диван. Приладила его на коленях, поддерживая слабую шейку, направила сосок в ищущий рот. Боже, только не это. Вдруг опять регресс, и он забыл, как сосать? В больнице, когда ей только разрешили кормить грудью, откат был уже два раза, и врач, который «ничего гарантировать, конечно, не мог», уверял, что на этих лекарствах состояние должно улучшиться.

– Ну давай, давай... – пихала она сосок в ребенка *ребенка в сосок*

Еще раз. И еще. Есть! Пружина раздражения немного поддалась, и Саша чуть выдохнула от облегчения. Большими глотками заливала в себя чай, руки уже почти не держали, дрожали. Дрожали. Она опустила голову. Вот и вся ее неприпудренная реальность, за этим клеенчатым столом, в скрюченном положении, с ребенком на руках...

– А-а-а!

Он зажал сосок, деснами зажал ее сосок. Саша так быстро вскочила, что ударилась коленками о стол. Резко оторвала малыша от себя и понесла в спальню. Хватит. Пусть это мелкое чудовище полежит в кроватке.

Он заплакал, закричал, и вроде как надо было покачать, успокоить, но внутри лопнуло что-то сдерживающее, понимающее. Человеческое. Вышло то черное, тугое.

Вдавила ногти в кожу головы. Больно? Больно. Вот и хорошо. Вот и пусть больно. А вот еще, а вот еще, а вот. Саша дернула, со всей силы дернула на себе футболку, закрутила в кулак, пыталась ее разорвать, пыталась сделать себе еще больнее, вдавить живот, вдавить грудь, пережать кровотоки, артерии, перекрыть доступ к кислороду.

Почувствовала – что-то упало. Сама тоже упала – на полу блестящей порванной змейкой лежала мамина цепочка. Накрыла ее ладонью.

мама, мама, как много мне еще хотелось, как о многом мечталось – сделать ремонт, пойти на повышение, купить машину, переехать поближе к центру, научиться играть на гитаре, неделю бродить одной по Парижу

а что теперь?

что?

Стало так глупо, что почти весело. Она начала хлопать себя по щекам, чтобы не допустить, чтобы не засмеяться, боялась, что перейдет эту грань и уже не вернется, уже себя не остановит. Она била себя по щекам, по бокам, по животу. Но унять не получилось.

И встал перед ней сам черный смех.

два

(больница, третья неделя после родов)

Старушка любила яблочную пастилу. И свою четырехлетнюю внучку. Никто не говорил, что нужно выбирать.

Она, сухопарая, собранная, аккуратно зачесывала назад негустые, красиво поседевшие волосы. Держала тумбочку, свои не– и внучкины многочисленные вещи в идеальном порядке. Тщательно убирала остатки еды, так, что лишние запахи не наполняли палату. Точно придерживалась собственного расписания: подъем в шесть утра, гигиена, завтрак, занятия, обед, прогулка, ужин, свободное время, сон. Она почти никогда не ходила в туалет ночью и не скрипела протяжно дверьми.

Она стала Саше идеальной соседкой.

Время для отдыха у нее оставалось лишь вечером, когда внучке – худенькой девочке, миловидно щурившей один глаз и слегка похрамывающей, – разрешалось смотреть мультфильмы на планшете. Тогда Кира Степановна выкладывала на тумбочку сласти: пастилу, зефир, грецкие орехи; заваривала травяной чай и раскрывала книгу на нужном месте. И медленно, с кротким наслаждением, брала в руки яблочное лакомство, скручивала его в пальцах, чуть сдавливая и аккуратно откусывала.

В первый же день пребывания пожилая женщина предложила Саше сходить до магазина, пока она посмотрит за детьми.

– Проветришься, купишь еды, да и мне кое-что захватишь, – соблазняла она.

Конечно, удобнее было бы заказать доставку. Но возможность выйти на свежий июньский воздух сначала смутила, а потом раззадорила Сашу. Полчаса в одиночестве. Тридцать долгих минут в привычном мире. Одна тысяча восемьсот секунд на воле – выбирая, покупая, оплачивая. То, что нужно!

Она принесла немного еды себе: земляничный чай в пирамидках, злаковые батончики, творожки, лапшу быстрого приготовления, бриоши с шоколадом – и сладости по заказу Киры Степановны. Поблагодарила, что бабушка присмотрела за ребенком, отказалась от чая и легла к зеленой стене, сославшись на «дикую затылочно-височную головную боль».

Саша пыталась совладать с запоздало затрясшимися руками. Со скрученным в очередной раз сердцем. Поймала себя на мысли.

Там...

Как там, на улице, хотелось бросить все и бежать по тротуару, а лучше по дороге наперегонки с машинами *ну и пусть сигналият, пусть попробуют догнать, пусть* И потеряться в лесу, долго плутать, искать ягоды и коренья и чистую питьевую воду, и, может, неожиданно найти ручей, душевный источник *и наконец утонуть в нем* Или сесть в самолет и улететь на другой конец света, на райский остров, на котором, впрочем, не будет для нее никакого рая.

Начать жизнь с начала или с конца, как пойдет, но ни в коем случае не продолжать с того, на чем остановилась, не с пугающего «сейчас».

Так хотела, но знала – не бросит, не убежит, не улетит.

Не сможет. Не простит.

Успокоила что-то беснующееся внутри. Вернулась. Назад, к ребенку, к своему будущему.

А что поделать?

Дни в больнице, то однообразие дней, которые начали наполняться если не событиями, то новыми, проникающими сквозь оставленную в броне щель людьми, немного примиряли ее с обстоятельствами, отвлекали от крутившегося и вертевшегося рядом отчаяния, позволяли поддерживать бытовые разговоры с Инной, Катей, Кирой Степановной.

Она по-прежнему не стремилась к общению, но и не противилась попыткам себя «рас- тормошить». Не все ли равно, раз приходится оставаться и ждать операцию. Здесь ее окружали люди, мамы маленьких пациентов, которые могли найти ответ на любой вопрос. Чем чаще до отстраненной Саши доносилась жизнь отделения, тем больше она удивлялась той обыденности, с которой говорят на многие темы.

Ну как, как можно говорить – даже подумать о том, чтобы говорить! – о том, какой купить крем для ног, о том, как раздражают вросшие волоски в паху, или о том, какой симпатичный персонал на третьем этаже, – когда рядом так много детей на колясках, детей без волос, детей с перемотанными головами.

невыносимо

Это шокировало и отталкивало. Отдавало суровой реальностью, которую принимать не хотелось.

Рыжая красавица не отступала, старалась мягко сблизиться с Сашей. Внимание от нее иногда казалось слишком горячим, избыточным – в чем-то оглушало, где-то смущало, но главное – смягчало. Сближало. Дарило нужное, неосознаваемое пока тепло.

И в первое время этому сильно способствовала дочь Инны. Неведомым образом Машенька притягивала Сашу. Не только красивым, изящно вылепленным, как у фарфоровой куклы, лицом. Нет, тут было что-то еще. И она пыталась разгадать что. И эта восьмилетняя девочка, в их самую первую встречу, тоже прислушивалась, прямо оценивала новую знакомую.

А потом важно, как на приеме, произнесла, подавая руку:

– Привет, я Маша!

То ли от смущения, то ли повинувшись непонятному порыву, Саша нагнулась к коляске, пожала сначала левую, протянутую, а потом легонько стиснула правую, живущую на неподвижных коленях. Эта рука то изображала клюв птицы, не специально сжимая большой и средний палец, то выгибалась в обратную сторону, образуя морскую звезду. Она явно стремилась к самостоятельной, автономной жизни.

Уже после двойного приветствия Саша внезапно испугалась: а вдруг она причинила девочке боль. Но нет, Машенька, чувствуя покорного слушателя, переключилась на рассказ о себе. Через полчаса Саша узнала все или почти все о любви к точным наукам и языкам, желании работать преподавателем математики в Германии, когда девочка вырастет, о нетерпимости к популярным ток-шоу и страсти к научным книгам и передачам.

Эта милая болтушка не унималась, и по мере общения Саша все больше восхищалась сочетанием ее детской восторженности, мечтательной легкости и прямого, где-то даже циничного взгляда на мир. Мир, в котором маленьким девочкам *и всем, всем* приходилось страдать.

Где Машенька черпала энергию? Как боролась с приступами меланхолии? Может, внутри этой сильной девочки, ступни которой еще ни разу не касались земли, находился тайный генератор счастья, не истертый долгой душевной болью, не истончившийся нервным ожиданием и страхом, страхом за свое будущее?

кто знает

Как все-таки здорово было иметь юное, не потерявшее веры сердце.

* * *

– У Катиней дочки сегодня операция? – спросила Кира Степановна еще до завтрака, пока Саша заправляла постель и допивала обязательный утренний кофе. Старушка ждала обхода, чтобы потом немного подремать – со вчерашнего дня она несколько раз упомянула о головной боли и давлении.

– Да.

– Бог даст, все пройдет хорошо.

– Да, – повторила Саша и засобиравалась в столовую. Она хотела, но почему-то постеснялась спросить соседку о самочувствии. Ей казалось, что в вопросе будет сквозить неискренность. Слова встали в горле.

Она могла думать только о Кате. О том, как та проводит дочку в операционную, будет ждать, меряя шагами коридор, а может, потом пойдет назад – отошлют – в отделение. Она будет сжимать похолодевшие, напряженные пальцы, грызть ногти *но это же не она, не она* дергать ногами, не в силах остановиться, замереть и пережить этот операционный невроз.

ногти

Вовсе не о Кате она думала. А о себе. Что ей придется пережить ради того, кого... Саша глянула на крошечное тело. Чертов ребенок!

– Да, – повторила она и, небрежно подняв на руки младенца, вышла.

Кати в столовой не было, но Инна с Машенькой уже сидели в углу – там удобно было задвинуть коляску и как бы уединиться своей компанией. Инна привычно протянула руки, чтобы взять у Саши нетуго запеленатый сверток. Иначе никакой совместной еды не получилось бы – ребенок бодрствовал, а оставлять его одного в палате, чтобы поболтать о мелочах за завтраком, казалось совсем плохой идеей. Не хотелось получать косые взгляды медсестер, соседки или Инны.

– Вкусная каша сегодня, – сообщила Машенька, которая больше всего на свете ценила вкусную, вредную и калорийную еду, но из-за сидячего образа жизни не часто ей лакомилась. – А еще бутерброд с сыром и маслом. Я съела два!

– Хорошо, – улыбнулась Саша. – Я тоже попробую.

– Тебе нужна коляска, – сказала Инна, качая ребенка, пока Саша уплетала рисовую – действительно удачно приготовленную – кашу. – Две люльки: простая и авто. Так ты будешь мобильнее, хоть куда-то сможешь брать ребенка. Выбирай полегче и так, чтобы хватило на месяцев шесть-восемь.

Почему-то раньше Саша об этом не задумывалась. Совсем забыла. Действительно, она же когда-то выйдет из больницы. И не одна *вернее одна*

Следующие несколько часов прошли в ожидании. Катя не появлялась. Инна с Машенькой ушли на реабилитационное занятие, а Саша села искать подходящую коляску *дорого и еще дороже дорогого* Она и раньше приценивалась к покупкам для ребенка, но тогда их планировалось поручить Марку – это меньшее, чем он мог бы отплатить ей за предательство. А теперь придется самой.

Она полазила на сайтах с новыми колясками и выслала ссылку на один из самых популярных вариантов Инне.

– Норм, – ответила та.

Это «норм» стоило так неподъемно, что хотелось застонать в голос.

– Но зачем тебе новая, смотри хорошую б/у, – почти сразу пришел совет.

Облегченно – да. Ей как будто официально разрешили не стыдиться нежелания тратить на это слишком много денег. Еще пара часов молчаливых переписок по двум подходящим коляскам, и – есть! – договорилась на доставку прямо в больницу. Естественно, за доплату. А ведь расходы только начинаются.

После обеда наконец вернулась Катя.

– Врач сказал, что все прекрасно. Удалили опухоль, взяли материал на биопсию, так по правилам всем положено. Через восемь дней результат, но я уверена, что все будет хорошо! Меня уже к ней пустили, в реанимацию то есть. Бледная, губы сухие, совсем беленькие. Но держалась молодцом. Моя крошка. Мой сладкий зайчонок!

Инна бурно, как положено, поздравляла, и Саша почти улыбалась. Катя возбужденно тараторила, вселяла радость и надежду *это если Саше было бы чем ее принимать* После дол-

гого напряжения и страха эйфория ударила этой молодой женщине в голову, и струна внутри зазвенела, ослабла.

– Девочки, гуляем!

А вечером оказалось, помимо правил, о которых рассказывала сестра-хозяйка, в отделении существовали и свои, внутренние. Не правила, а поблажки. Во время ужина Инна тихонько предупредила Сашу, чтобы она приходила к десяти в столовую.

– Соберемся, посидим немного. Перекусим, поболтаем. Напряжение надо же снимать, – пояснила она, хотя Саша и не собиралась спорить. Разве ей есть какая-то глобальная разница. А это хоть какое-то разнообразие. Уже хорошо. Она придет, поддержит Катю, съест торт или что там будет.

Но все оказалось немного по-другому. «Немного посидим» – оказалось почти что вечеринкой. Больничной, но все же: негромкая, неслышная из коридора музыка, три бутылки простого, недорогого вина, ароматный чай в пакетиках, пирожные, сыр, колбаса, чипсы, конфеты, что-то еще.

Безобидный санаторий, день рождения в офисе, а не нейрохирургия.

Слышался смех. Основной состав, человек десять, сидел за сдвинутыми столами, поздравлял Катю и ее дочку с удачной операцией. Беспечное щебетание сбilo ее с толку. Будто праздник. А, впрочем, почему нет? *день рождения малышки* В углу у чайников Инна жарко что-то говорила женщине лет тридцати, до Саши долетело: «ну и что, муж».

Она села на свободное место к девчонкам и машинально налила вино. Кислое, вонючее, через два-три обжигающих глотка оно раскрылось, но не новым вкусом, а теплом, пьянящим алкогольным теплом.

застиртованным безразличием

– Завтра только корми смесью, молоко сцеди, – посоветовала вернувшаяся Инна.

– Я и так, – быстро оправдалась Саша. А ведь она даже и не подумала, что алкоголь повлияет на грудное молоко. – Он же только бутылочку берет.

Вечеринка продолжалась. Она сидела рядом с Инной. Женщины вокруг разливали вино и чай, нарезали торт, шуршали пакетами со сладостями. Дружески перебивали друг друга, говорили много и громко о чужом и своем жире, о еде, правильной и неправильной; о моде на бег; о врачах; о новой детской площадке тут, слева, на территории больницы. И слышались жалобы на мелкие недомогания, болезни, ноющие месячные; жалобы на свекровей, родных стареющих отцов и матерей, жалобы на первых, вторых мужей.

И если сначала Саша напрягалась, то со временем – и количеством выпитого вина – тело начало принимать и отдавать энергию. Тело сигнализировало о приближающейся радости, предвкушало, разжимало пальцы рук, скрюченные в нервном поиске кутикулы, которую можно оторвать; освобождало зажатые мышцы лица.

тела, никакого ее тела только что не было, и вот тело стало

Большой глоток. Как хорошо!

– Девочки, статья попала, послушайте: «Лучшие качества женщин по мнению мужчин», – засмеялась женщина лет пятидесяти в цветастом халате и с огромной, но при этом не обвисшей грудью.

– Ну-ка, ну-ка, читай, – раздалось с нескольких сторон.

– Мудрость, красота, забота.

– У меня есть, – сказал кто-то.

– Доброта, эмпатия.

– Ну все, я точно не подхожу, – иронично добавила темноволосая молодая женщина с острым птичьим лицом. – Надо сказать мужу. И любовнику.

Кто-то засмеялся.

– А моему надо, чтобы жена с едой на столе встречала. И чтобы только с плиты! Какая тут доброта, мудрость? Он с суток придет, весь грязный, потный, а я его кормить буду этими умными разговорами вместо макарон с мясом? Да херня, он быстрее сбежит. Не, девки, мужику нужно, чтобы дома было чисто, уютно и полно еды, – вставила пухлая, ярко накрашенная женщина с ямочками на щеках.

– Ну почему же, кто-то любит поговорить, – возразила старшая.

– Это можно потом. Если желание останется. У меня самой иногда силы только доползти до кровати и вырубиться. Он ко мне, мол, давай это, то самое, а я уже храплю. Не всегда, конечно. Приходится давать. Он же мужчина, ему хочется.

Глоток.

– Повезло, а мой вообще не пристаёт. Всегда занят или устал, – грустно ответила тихая смуглая женщина с синими кругами под глазами. Ей явно было меньше тридцати, но Саша дала бы все сорок. – А на зал и пиво с парнями есть время.

– Но ты же недавно родила? И что ты хочешь? – резко вставила молчавшая короткостриженная девушка с большим родимым пятном на лице.

Тихая женщина опустила глаза.

– Беременные, как и мамки, не особо привлекательные. Сама посуди. Сначала ты с пузом, потом кормящая с младенцем. Потерпи. Постарше ребенок станет, нарядишься, наклеишься и сама пристанешь. Ублажишь мужа как надо.

– Может, изменяет? – участливо спросила старшая.

Глоток. Глоток. Глоток.

– Нет, сто процентов нет! – выпалила смуглянка.

– Не смейся. Так он тебе и рассказал, – встряла пухлая с ямочками. – Таня права. Многие женщины с беременности за собой не следят, не моются, не красятся, не стригутся, носят что попало. Дома всегда нервные, уставшие, злые. Понятно, мужчины не выдерживают и уходят к другим.

– Как у меня ситуация, – горько усмехнулась бодрая грушевидная блондинка. – Только мой не ушел. Ох, я эту дамочку хорошо за волосы оттаскала. Нечего к семье лезть. Пизду свою немолодую чесать. А этот тоже хорош. Яйца развесил и пошел. На мне одной хозяйство с коровами и курами, огород, работа, ребенок больной. Ай, что говорить, дурак, получил уже.

Сашу удивило, с какой интонацией говорила женщина о муже: как о непутевом коте, который нашкодил, но она все равно его любит. Поворчит, мокрой тряпкой пару раз замахнет, а потом простит.

любит

– Не выгнала? – спросила Инна.

– Ну а какой смысл разводиться? Мужик-то так хороший. Помогает по хозяйству, как попрошу, деньги в дом носит, много не пьет и не гундит. Оступился, с кем не бывает. Заглаживает вот вину, подарки покупает, пиво носит.

Засмеялись.

А как же любовь, хотелось спросить Саше, но она благоразумно промолчала. Ее «любовь» обернулась грузом весом в три килограмма.

Но не смолчала Катя, миролюбиво сложив руки на груди:

– Я бы так не смогла. Я верю в любовь и верность.

– Да ты, Катя, романтик, – дружелюбно подколола Инна.

– А ты циник? – весело парировала та.

Еще глоток.

– Я рациональный человек! С широкими взглядами, – расхохоталась и подмигнула Саше Инна. – Но я пытаюсь жить в балансе со своими желаниями и ограничениями. И помню, что сама-то не молодею.

Хохот раздался со всех сторон. Саша не удержалась, издала неожиданный и тихий смешок и сразу вздрогнула. Сколько она не смеялась? Вот так, открыв рот, издав любой по громкости звук. Когда это было в последний раз?

Выходит, несколько месяцев, а кажется, несколько лет назад.

– Саша?

– Да? – замерла она. Не ожидала, что соседка бодрствует в час ночи.

– Так шумно. Я тебя все жду. Дети спят, все хорошо. Помоги мне.

– Да-да, конечно, – засуетилась Саша.

Шумно? Вроде музыка негромко играла. Хотя их палата ближе всех к столовой.

– Сердце очень болит, подай таблетки. Круглые такие, белые. Я все не могла уснуть, в столовой так кричали. Достань там в ящике небольшую сумочку. Хорошо, выходит, операция у девочки прошла, раз справлялись. Да, эта, открывай ее, не бойся. Белые.

Саша потянула молнию, и на нее дхнуло приближающейся немощностью и медикаментами. Баночки, крошечные бутылочки, пластиковые капсулы и таблетки в блистерах. Может, витамины. Или после семидесяти-восемидесяти – а сколько бабушке лет? – нельзя выходить из дома без такого набора? Но у ее-то бабушек такого не было.

Да где же нужная пачка?!

– Белые, маленькие.

Нашла!

– Спасибо, сейчас полегче станет. Как операция?

– Врачи говорят, все хорошо. Вот только биопсию надо подождать.

– Дай Бог, хор... хорошая придет. И домой поедут. Восстанавливать... ся. А какие прогнозы с но... ножками?

Кира Степановна говорила отрывисто, медленно, наверное пережидая колющую боль в груди.

– Еще непонятно, – пожала плечами Саша, но где-то внутри зашевелилась тревога. Или воспоминание. Если аптечку с лекарствами у своих бабушек Саша не видела, то у прабабушки, праба ее не могло быть по определению. По жизненным убеждениям.

– Я вспомнила свою в... внучку. – Старушка медленно кивнула в сторону спящей девочки. – Она родилась с огро... мной грыжей. Спин... номозг... овой. Представь, как если бы кожа... ный мячик приделали к спине. Здесь лежа... ла ее мама, моя невестка. Позд... ний ребенок. Операцию сделали, опу... холь вырезали. Даже об этом писали где-то. Не вспо... мню уже, совсем старая.

Саша стояла над Кирой Степановной, не шевелясь и вглядываясь в очертания щуплого тела под одеялом. Этот силуэт напоминал кого-то важного, ушедшего. Родного.

– При удале... нии врачи повредили нерв. И умыли руки. Мол, сделали все, что смогли. То, что ходить не смо... жет, не беда. Мол, и так спасли ребенка. Невестка истерила. Она с таким нравом. Горячая жен... щина. Ну а какой толк? Врачи тоже ошибаются. Я ей не раз говорила. Она только рукой на меня махает. Но у нас свои отно... шения.

Голос постепенно утихал, наверное, подействовала таблетка, и старушка от усталости постепенно теряла связь с действительностью. Вот и хорошо.

– С норовом как у кобылы, невестка-то моя. Но главное – какая она мать, – неожиданно громко, а потом снова тихо продолжила Кира Степановна. – Как она девчонку строила. Занимались... через слезы и боль... через множество реабилитаций... упорный... тяжелый... труд...

Соседка повернулась к стене. Она глубже проваливалась в сон, делая большие паузы между словами.

Вот это история про внучку, печально подумала Саша. Сейчас милая четырехлетняя девочка уже бегала. И ничего, что запинаясь, немного хромала, ну и носки ступней не всегда смотрели вперед. Конечно, ничего. А как она бойко разговаривала! Да, в этой палате спало, ело и играло настоящее медицинское чудо.

Саша стояла и прислушивалась. Словно оцепенела.

Бормочущий голос совсем стих. Минута, две, три. Спокойное, глубокое дыхание. Старушка забылась.

Она разделась, стараясь издавать как можно меньше звуков, легла под одеяло. Расслабилась, отдалась приятной неге, которая посещает лишь перед самым засыпанием. Она чувствовала себя такой легкой, воздушной и одновременно тяжело-телесной. Реальной. Один бокал, вернее, кружка вина. А такой эффект.

Да.

Ей было стыдно, но впервые за вечность – почти хорошо.

* * *

она была старая-старая, всегда? да

Наутро легкая вина не отпускала. И Саша все вспоминала слова самого близкого и любимого человека. Пелагея Ефимовна, прабабушка Пелагея, праба, воспитывала в ней уважение к опыту старших. Хотя она не церемонилась, не шла на поводу у людей, и тем более детей, наоборот, гнула их, заставляла подчиняться своей воле, но жизненный фундамент давала крепкий и цельный. В чем-то, конечно, старомодный.

Сколько Саша себя помнила, прабабушка Пелагея была очень старая, с длинной-предлинной косой. Стальной волей. Она любила трудиться в поле, огороде, в бревенчатом небольшом доме. В бане парилась так, что ни один человек бы не выдержал такого жара. Крестилась двумя пальцами, хотя маленькая Сашенька и не знала, как правильно. В больницы не ходила, лекарства принимала неохотно, ела очень скупо и просто, а выражалась грубо, прямо, не считаясь с тем, кто может услышать.

«Подохну и так, когда время придет», – любила отвечать прабабушка на уговоры посетить врача. Когда четырехлетняя Саша впервые услышала про смерть, то громко заплакала. А прабабушка Пелагея покосилась, цокнула на Шашину маму, которая хотела что-то сказать, и проскрипела, что «правду не утаишь, не обманывайте ребенка». Она отогнала всех, раздала каждому работу по дому. А сама посадила правнучку на колени и шептала что-то из прошлого, то, что ей самой когда-то нашептывала уставшая мама. Саша почувствовала. Ее любили. И полюбила в ответ.

«Староверы все такие или это характер особый, изумительно стойкий, изумрудный, только прабабушкинский?» – любила рассуждать про себя Саша. И однажды даже спросила у папы. А тот рассмеялся:

– Бабушка та еще личность. И мне доставалось из-за ее нрава.

Это значило, что строгость ее распространялась на всех. И Саша даже слегка взревновала. Не папу, а прабабушку. И то, что папа – так же как она, маленькая Сашенька, – проводил три месяца каникул в деревне, срывая с грядок зеленый лук и укроп; пропалывая сорняки; расчесывая покрасневшие от крапивы коленки; собирая малину, смородину, крыжовник прямо с куста в баночку, болтающуюся на веревке в районе груди; слизывая ягодный сок с пальцев, а потом вытирая руки о грязные-прегрязные шорты и в конце дня забираясь в теплые и мягкие прабабушкинские объятия. Но ведь нет, папа говорил, раньше бабушка совсем не умела, не любила обниматься. И только с ней...

праба-праба

Саша шмыгнула носом. Да, нужно внимательнее относиться к окружающим людям. Помогать пожилой соседке.

В середине дня привезли коляску, и Инна спустилась вместе с ней, помогая поднять попку для малыша. Ну какое удобство, восхищалась Саша, больше не нужно просить, чтобы разгрузить ей руки, да и ребенок всегда рядом.

Весь день она расслабленно занималась делами, следовала больничному расписанию, умудрилась посмотреть два часовых эпизода сериала и выпить три чашки любимого кофе. Настроение было удивительным, странным, ни на что не похожим. А вечером, легко уложив ребенка спать, Саша шла по темному коридору из уборной и осознала, что же было не так в эти часы.

Нефизическое, тяжелое нечто уже долго не покидало ее тела. Не удавалось это тонущее, нечеловеческое *где-то истинно гойевское* сбросить ни после спокойного дня, ни после захватывающего фильма в палате Инны, ни после очищающего душа.

Что это было, Саша понять не могла. Но оно мешало дышать, не давало насытить кислородом легкие, медленно убивало. А вчера спасение наконец отыскалось. Только вот заряда кроваво-бордового живительного средства – эликсира! – хватило лишь до вечера.

И она вернулась в темноту *к этому* внутрь.

* * *

Можно идти.

Тихая субботняя ночь. Люлька с ребенком. Печенье овсяное, печенье творожное. Пижама. Кружка, пара пакетиков мангового чая.

Инна ждала в своей комнате – она жила в платной палате, с бесшумным чайником и мини-холодильником, – чтобы вместе посмотреть фильм. Она уже вскипятила воду, накрыла низкий круглый столик. Подхватила из Сашиных рук вкусности и вспомнила:

– Пирожные забыла. В большом холодильнике.

– Я принесу.

Саша поставила люльку со спящим ребенком в темный угол, где на кровати дремала Машенька, дотронулась до головы девочки и вышла из палаты.

В одиннадцать вечера коридор больницы напоминал начало мрачной компьютерной игры. Той, где неожиданно из всех дверей и окон вылезают монстры, вурдалаки, зомби и прочие мерзкие твари. Нападают, пытаются, мучают, высасывают виртуальную жизнь до капли. Но нет.

это скорее гости ее души

Она медленно шла к столовой, а резиновые тапки постанывали в ритм шагов: шлеп-шлеп-шлеп. Скрипнула, открываясь, нужная дверь, а вот и холодильник, вот и клубничные пирожные. На обратном пути хотелось ускориться, но она сделала над собой усилие и умерила шаг.

Вдруг тень мелькнула вдалеке, у искрящей надписи «выход». Саша резко обернулась и в момент, когда дверь приоткрылась, успела заметить в луче света человеческую фигуру. Кто-то выходил. И она, кажется, знала кто.

– А кто та женщина, с которой ты говорила на вечере у Кати? – спросила Саша, плотно закрывая за собой белые деревянные створки.

– Валя. А что?

– Я только что видела ее у двери отделения. В одежде.

да и одежда-то: платье и капронки

– И? – Инна повернулась всем телом, словно готовясь грудью защищать свою знакомую.

– Это странно, – растерялась Саша. Она перестала что-либо понимать.

– Она пытается жить.

– Что?

– Свидание у нее.

– А-а-а.

– В этом нет ничего такого, – пожала плечами Инна. – Мы не идеальны. Ни матери, ни отцы, ни дети. А нам, женщинам, часто приходится на себе все тащить. Без отдушины никак.

– А, она замужем, – вспомнила Саша отрывок разговора.

– Ну и что. – Инна посмотрела на нее так, словно от Сашиной реакции зависела степень их возможной близости.

– Ничего. Это ее дело.

– Да.

Инна вводила пароль на сайте – кино они выбрали заранее – и уже включила воспроизведение, но опять повернулась к Саше:

– Знаешь. У каждой женщины – своя отдушина. Первая вечером выпивает бокал вина, чтобы уснуть; а как просыпается – курит травку, чтобы не сбежать и пережить еще один сложный день. Вторая терпит измены мужа, унижение от его родителей, а потом отдает все это нерастраченное, невылюбленное другим мужчинам. И в эти секунды счастлива. Третья ушла в работу, тратит всю свою зарплату на няню и тортики «Наполеон». Признается, что сил нет, но дома в четырех стенах с неходячим мальчиком уже бы повесилась.

Саша вздохнула. Инна говорила горячо, но не агрессивно.

– Идеальных нет, – потише продолжала она, – да и норма – понятие относительное. Давай уже смотреть кино.

– Да.

Саша отпивала из кружки, откусывала пирожное, наблюдала за героями фильма, а в голове все крутилось и крутилось.

у каждой отдушины – свои женщины?

* * *

– Операцию назначили.

Саша перехватила Инну в коридоре. Больше недели она с необычным чувством облегчения погружалась в рутину и ждала. Внешние силы оттягивали решающее событие. То положили нескольких пациентов с более срочными случаями; то ее младенец засопливил – а дети тут болели постоянно и заражали друг друга по кругу; то хирурга пригласили на конференцию. Больше трех недель до ребенка очередь не доходила.

И вот поставили, через несколько дней.

– Когда?

– В конце недели, в четверг или пятницу.

– Хорошо. Сегодня просто день новостей. Врачи с утра всем раздали, – резко усмехнулась Инна и продолжила: – А нас в пятницу утром выписывают.

Саша не успела ничего ответить. Бледная, состарившаяся, непохожая на себя Катя вошла в двери отделения и хотела свернуть в душевую.

– Катя?! – позвала Саша, но та не услышала. И они с Инной, что-то предчувствуя, быстро догнали растерянную женщину.

– Катя, что случилось?

– Катя?!

Но та только закрывала и открывала рот.

да и как тут вымолвишь хоть слово

три

Когда-то Саша была маленькая.

Мама заплетала ей косички перед садиком или расчесывала волосы перед сном. В эти чуть ли не единственные полчаса за день, когда они были наедине, мама жадно задавала вопросы о воспитателях, друзьях, впечатлениях, охотно рассказывала о своем детстве. Всегда очень прямолинейно, так, что уже взрослая Саша понимала – мама хотела не поделиться, а скорее извиниться, перед кем-то *возможно собой* оправдаться. Или заново отрефлексировать прошлое. Или наказать себя, задевая за живое. Или вот так, через дочь, что-то исправить. В любом случае мама рассказывала это себе. Начиналось издалека:

– У тебя есть самое-самое любимое мороженое?

– Самое-пресамое?

– Да, самое-пресамое!

– Клубничное! Нет, с шоколадной крошкой. Шоколадное! – Саша задумывалась, а потом уверенно повторяла: – Шоколадное.

– А когда я была маленькая, любила лакомку. Но ела редко. В первый раз попробовала лет в шесть. Помнишь, я рассказывала про Черное море? Так вот там в первый раз. А потом вернулась и дома откладывала деньги, копила, чтобы купить это мороженое. Но не всегда везло. Или не было 28 копеек. Или в ближайшем киоске она заканчивалась. Пломбир был, шоколадное было, а лакомки – нет.

Мама говорила медленно, нараспев, испытывая какое-то удовольствие от ритмичности движений – расческа ходила сверху вниз по Сашиним волосам.

– У бабушки с дедушкой тоже не было денег?

– Дело не в этом. Мне всегда говорили, что правильно. Часто есть самое дорогое мороженое – было неправильно. Ну и когда мы просили на мороженое – родители привычно совали в ладошку двадцать копеек. Взрослым было некогда подумать о таких мелочах.

Мама согнулась, оказавшись у Саши перед лицом, и подмигнула. Потом вернулась к волосам, начала плести.

– Я даже врала, что мне нужно что-то для школы. А на самом деле после уроков мы с подружками ходили к киоску, покупали мороженое и долго-долго шли домой.

– Ты плохо делала. Врать некрасиво, так праба говорит.

– Ты права. Нельзя было так поступать. Я и говорю, что поступок некрасивый. Я боялась, что мне откажут, если я буду просить на мороженое. Но лакомку очень хотелось! Ну, а еще, наверное, хотелось, чтобы к моим желаниям прислушивались. Я привлекала к себе внимание как могла.

– А как? – заинтересовалась Саша.

– Вредничала и говорила наперекор родителям. Хотела, чтобы они все время уделяли только мне. А не сестре. Не маминей болезни. Не папиной рыбалке. Я была типичным младшим ребенком.

– Что такое «наперекор»?

– Мм. Это когда я предлагаю тебе шоколадное мороженое, а ты кричишь, что будешь, например, крем-брюле, хотя любишь шоколадное. И почему-то думаешь, что мне, а не тебе, будет от этого хуже.

Саша почти ничего не поняла, но мороженое из топленого молока ей не нравилось. Кто это вообще придумал?

– Крем-брюле. Бе-е.

– Вот и я о чем.

– Ну мам, я же не вредина. Не вредина!

– Конечно, нет. Ты самая лучшая, понимающая девочка. А вот я, когда была маленькая, очень любила спорить. Поворачивайся, я еще не доплела.

Саша покорила мягкому движению рук. Что-то вспоминала.

– А почему у бабушки узелки на пальцах?

– Потому что бабушка болеет. И уже давно.

– Я не хочу, чтобы она умерла.

– Нет, – улыбалась мама, – она не умрет. У нее просто болят руки. Бабушка много работает. Учит детей и взрослых. И очень любит свою работу.

– Как и ты?

Недоплетенная косичка нечаянно дернулась.

– Да, как и я. Ты же знаешь, твоя мама работает, чтобы заработать деньги и купить много-много вкусностей.

– И велосипед?

– И велосипед!

– Но ты можешь немного меньше работать? Наверное, я смогу без велосипеда.

– Я стараюсь, но тогда нам будет нечего кушать.

– Днем я ем в садике, а вечером мне хватит каши или супа с макаронками, как бабушка готовит. А еще есть папа. Он будет покупать мне мороженое. И лакомку тебе.

Мама ничего не ответила, лишь сильнее схватила за косичку.

– А как же велосипед на день рождения?

– Его я очень-очень хочу, – призналась Саша. – Но еще хочу чаще гулять с тобой.

Мама погладила Сашу по тугим тонким косам, по готовой к садике голове и как-то печально улыбнулась:

– А с папой?

– Конечно! С тобой и с папой.

– Хорошо, вот и пойдем в выходные гулять вдвоем. Я очень постараюсь.

– Правда, пойдем?

– Правда. Скоро эти непростые времена кончатся, и мы будем все вечера проводить вместе. Ведь главное то, как мы с тобой друг друга любим. Да? Потерпишь?

Саша деловито кивнула. Ей нравилось, что мама говорила с ней как со взрослой, и она старалась высказывать умные мысли.

– Да. Бабушка все время работает, ты выросла и тоже работаешь. Я все понимаю и могу побыть с папой. И с праба. Когда мы к ней поедем?

Мама вздрогнула, но быстро взяла себя в руки. Она обняла свою малышку и слишком сильно прижала ее к себе. Саше казалось, что она слышит стук раненого материнского сердца. И неожиданно решила признаться.

– Мам, я тут подумала.

– Да?

Мамины глаза тревожно забегали.

– Я все-таки выберу клубничное мороженое.

Напряжение спало, и мама, смеясь, согласилась еще до выходных пойти за розовой сладостью.

Когда-то Саше было пять. Надо было терпеть множество косичек на голове. Удивляться отношениям родителей с бабушками и дедушками. Не обращать внимания на тихий шепот мамы, что у папы «не получается, а еще некие они и постоянные угрозы», а ей «так надоело», и все переговоры, из которых становилось понятно: что-то готовится, что-то скоро изменится. А еще надо было выбирать самое-пресамое любимое мороженое.

Мир, в общем-то, уже тогда не казался простым местом.

* * *

(дом, три месяца после родов)

После того как Саша выписалась и вернулась домой, ее сначала обдало жаром радости, узнавания. Столько недель вынужденного отсутствия! Теперь тугое нечто должно потихоньку уйти из груди, раствориться в рутине, спасительной тяжести быта; да, отпасть неделимым куском вместе с нижним, гнойным слоем.

Она устроила день уборки: отполировала все окна, тщательно помыла темный ламинат, почистила в гостиной – зале, как называла мама, – диван, протерла пыль на видимых местах, не забираясь на балкон и в лакированный дсп-шный шкаф, полный вещей.

Вечером набрала пенную ванну, поставила сок и печенье на доску-столик и отмокала целый час – и ничего, что пузырьки полопались через десять минут, а обещанный на упаковке запах розы больше напоминал полынь. Читала книгу, найденную в кладовке *что-то из маминной библиотеки*. Так, донельзя простой романчик, такой же, как и многочисленные больничные истрепанные, потасканные – отмеченные чаем, супами, соусами после прежних владельцев – экземпляры.

А потом стены стали давить. Саше казалось, что потолок находился чуть ли не в нескольких сантиметрах от ее головы. Через неделю ей стало казаться, что стены почти облепили ее, сдавливая все сильнее. А через две – они уже сжимали голову.

И тут она засомневалась. Хорошо ли было дома? И да и нет.

Не было:

- распорядка дня,
- требовательных взглядов медсестер,
- невозможности уединиться,
- страха.

Было:

- медленное течение жизни,
- застывшее время,
- тщетность,
- скука.

Поэтому на свой же вопрос она не могла ответить однозначно. Она окончательно замерла, одна, в своей голове. Она, запертая в своей квартире с ребенком, подчиненная его плотному расписанию кормления, принятия лекарств, купания, переодевания, его настроению, его болезни. Своему одиночеству.

Папа все чаще писал, родственники поздравляли и спрашивали о делах. Подруги звали встретиться, но она не отвечала. Марк не объявлялся.

Никого не хотелось видеть, слышать, знать. Никого из знакомых, тех, кто задают или могут задать вопросы про первые шаги в материнство – что это вообще за слово? – про состояние ребенка, про жизнь. Инна, вот она была на связи, помогала советами, подсказывала простые бытовые решения, рассказывала о Машеньке. С ней единственной остались силы общаться. Ей ничего не надо было объяснять.

Больница с калейдоскопом женщин, нетипичных детей, историй была и далеко и близко. Саше иногда казалось, что больница, эта зеленая стена и запахи всегда жили в ней. Глубоко, тайно, в полусне. И потом естественным образом вырвались наружу.

Может, она, больница, была злым сном, и вот сейчас она, Саша, проснется дома на своем ортопедическом матрасе и обнаружит огромный девятимесячный живот. Выдохнет, забудет, родит и так далее

Или вдруг – иногда и не такие бывают «вдруг» – это розыгрыш, она попала в передачу и сейчас продолжает шоу-труменовскую традицию. Она должна искать камеры, разоблачать, искать виноватых, искать смеющихся зрителей – всегда смеющихся зрителей своей бутафорской жизни.

уберите, уберите эти декорации вместе с ребенком и принесите новые, скорее, я еле терплю

И может, можно – еще и не такие бывают «можно» – получить другого ребенка. Настоящего, здорового, беспроblemного. Ее. Как бы было хорошо.

Она вздыхала.

Жила. Дни шли, а никто не приходил. Разоблачать было некого.

* * *

Доставка продуктов спасала. Выход на улицу удалось оттянуть на целых десять дней. Погода улучшилась, приложение на телефоне радужно показывало +18, что для середины сентября казалось редкой, практически райской температурой. Два дня Саша смотрела на солнце из дома. На третий – одела ребенка, собрала сумку с необходимыми ему вещами и вышла.

Правда, сначала нужно было спустить коляску – раму, на которую устанавливалась компактная люлька. Десять ступеней – десять шагов – десять секунд – которые надо пройти одним рывком, задержав дыхание. Понуднее схватиться, дернуть изо всех сил. Потом еще и еще, пока не закончится попытка.

На каждой площадке между этажами она останавливалась, переводила дух, успокаивающе смотрела вниз, считала, сколько еще рывков осталось. Через десять минут и восемь лестничных пролетов нехорошо давали о себе знать спина и затекшая на правую сторону шея; побаливало бедро, которым пришлось поддерживать коляску, саднила внутренняя сторона предплечья, туда врезался и терся острый край.

Кисти рук и пальцы подергивала дрожь. Подмышки горели. Горло резало. Дыхание не восстанавливалось. Какая же она жалкая!

Саша скорее нажала на кнопку домофона, толкнула дверь и выбралась наконец на волю. Проверила ребенка, который чудом не заплакал во время спуска, продышалась, опираясь на колени. Выгнулась, подняла лицо к солнцу и толкнула эту обузу вперед, по дворам и улицам, к цели.

Теперь можно порадовать себя, купить что-то вкусненькое.

С некоторой опаской она зашла в крупный супермаркет и растерялась, не понимая, как управлять коляской и корзиной для покупок. Поколебавшись, решила сложить продукты вниз, в специальную сетку. На кассе быстро выгрузила покупки на ленту. Ребенок постанывал. Высокий ухоженный мужчина впереди покупал вино и сыр. Сзади, на небольшом испуганном отдалении, застыла модная девушка, сжимавшая в руке стеклянную бутылку воды. Малыш резко крикнул один раз, второй и уже не стал сдерживать крик.

– Тшш, аа-аа-ааа, – утешала Саша, качая и катая коляску. А сама молилась, чтобы мужчина скорее забрал чек. Ребенок немного успокоился. Но ненадолго. Он хотел ехать, двигаться, мирно спать. Она знала об этом.

рабыня знала

Когда очередь подошла, Саша достала картхолдер, мельком зацепив взглядом руки. Дрожат. До сих пор.

– Какая вы симпатичная мама! – подметил старенький охранник, пока она расплачивалась. Саша вздрогнула, кинула взгляд на флегматичную кассиршу, а потом буркнула:

– Спасибо.

Тяжело было примерить на себя. Она – Саша, он – ребенок, и слово «мать»?

Мама – это Сашина мама. И мамина мама. Папина мама и папиной мамы мама. И все дальше и ниже по генеалогическому древу, о котором, впрочем, обычно – при относительной молодости и увлеченности собственной жизнью – никто и не вспоминает.

– Мамаша, вы карточку забыли! – со смешком крикнула девушка с водой.

– А, да.

Саша дошла до парка, села на дальнюю солнечную скамейку, достала булочку и питьевой йогурт. Коляска с ребенком стояла рядом, и, хоть по-хорошему нужно было расстегнуть теплый, купленный еще до родов комбинезон, будить спящего не хотелось.

Краснота и красота золотых листьев обжигала глаза. Нечто тяжелое в груди пошевелилось, но не сдалось. Она тихонько сидела, наслаждаясь едой, выдыхая, если прохожий, показавшись вдалеке, сворачивал в другую сторону.

вот она уже и мамаша Да, ей двадцать шесть, и она уже, уже... Другое дело – тот красивый мужчина. Вино и сыр – это банально, но так, вероятно, вкусно. Как бы хотелось...

Двадцать волшебных минут ей казалось, что все замечательно. А потом закричал ребенок. И Саша вспомнила, что ей еще поднимать коляску назад, на восемь пролетов вверх, к себе домой.

* * *

Взгляд, окрик совершенно чужой девушки из магазина преследовал ее еще несколько дней. Саша доставала это воспоминание, со всех сторон любовалась им, мазохично поглаживала новый, унижительный статус «женщины-мамашы». Постепенно отлегло.

Уход за ребенком сочетал в себе вроде как несочетаемые вещи: скуку и раздражение. Скуку – от повторяющихся действий, однообразного быта, раздражение – из-за тотальной несвободы, отсутствия выбора, полной загрузки мелкими, даже мелочными делами. Один день проходил за другим. Менялись лишь погода за окном (пока не сильно), книги и домашняя одежда. Это выводило из себя. Это усиливало апатию к жизни. Это раздражало.

Через две недели Саша решила выйти в ближайший торговый центр: починить мамину цепочку и побыть среди людей. Укачала ребенка, пока шла по холодным улицам, добралась до нужного места. «Ой, тут делов-то... Подойдите через час», – ответил администратор салона по ремонту ювелирных изделий.

Час?

Она откатила коляску и машинально потрогала грудь, не обращая внимания на любопытный взгляд какого-то седого неопрятного старичка. Она кормила два часа назад, еще час тут и дорога домой. Вроде время еще есть.

В грудном вскармливании было мало приятного. Но сцеживать белую мутную жидкость Саше нравилось еще меньше. Налитая грудь давала возможность расслабиться, обрести несколько десятков минут тишины в кресле или на кровати, пока ребенок ест. Сладковатый, прелый запах от футболок, мокрые круги в районе сосков или, как сейчас, болезненное, словно набухающее, ощущение в груди – казались небольшой платой за контроль ребенка.

Она поднялась на фуд-корт, остановила коляску у столика рядом с большим искусственным растением, повесила куртку на вешалку, а сама сбегала за чашкой чая и большим ореховым рогаликом. Слева за большим столом сидела шумная, красивая семья. Пока родители пытались поесть, дети играли на детской площадке, иногда подбегая за долькой-другой картофеля фри. Прямо – ворковала парочка с айс-кофе и сэндвичами с авокадо. Справа – очень близко от Сашиного стола – старушка сгорбилась над стандартным обедом: греча, котлета, морс.

греча котлета морс

Она смотрела по сторонам, на людей – кто знает, нарочно или нет – и прислушивалась к их разговорам, смаковала чье-то присутствие. Так хотелось заменить свою жизнь, присоединиться к той, чужой. Эти люди что-то делали, где-то работали, переживали о родителях и детях, одиночестве и болезнях, друзьях и врагах, деньгах и долгах, любви и предательстве. Почему-то казалось, что они были способны улыбаться, противостоять проблемам, переживать горести с бесконечной верой. Они – да, а она – нет.

все мысли на сегодня: как бы не успела слишком сильно налиться грудь, не образовался комок, который может привести к маститу

На место старушки сел молодой парень – мексиканец из сериала, он быстро обглодал фастфудные куриные ножки, запил колой и убежал. Стол недолго попустовал, Саша отвлеклась на крикливые сборы большой семьи, а когда повернулась, справа уже располагались две разодетые молодые мамы с малышками.

И эти мамы, как бы это... Их яркий, небрежный макияж дополняли чрезмерно надутые губы и пластиковые ресницы, а обманчиво обтягивающие платья выпячивали не только достоинства. Не молодые женщины, а пустые оболочки без начинки. Хотя ей-то какая разница, если они... они что? Если они хорошие матери, добрые люди и профессионалы своего дела?

Пока Саша додумывала эту мысль, подружки – блондинки с волосами посветлее и потемнее – переодели детей в нарядные платья. Двух-трехлетние девочки дергались, стремились ускользнуть от вездесущих материнских рук. За ограждением ждали лошадки, и крутящийся осьминог, и карусель, и даже горка с сухим бассейном. Но матерям нужно было явить куколок. Они родили куколок, одели в пышные платья куколок, собираются развлекать куколок.

куколки не должны их опозорить

Блондинка со светлыми волосами крикнула дочери:

– Куда пошла? Я тебя еще покормить хотела. Поешь и пойдешь, никуда твоя площадка не убежит.

– Пусть голодные ходят, – вставила подруга. Она говорила медленнее, прокурено растягивая слова.

Дети убежали, а мамы сходили за едой. Ели, говорили про очередь в детский садик, про покупки для дома, что-то про помощь – и отсутствие помощи – от мужчин. Попивая кофе, блондинка с более темными волосами сказала:

– Ты тоже думаешь, что здесь что-то нечисто?

– Что? – подруга проглотила последний кусок сдобы и чуть не подавилась.

– Ну про телку эту, которая якобы его «давняя подруга».

Ну-ка, можно поподробнее?

– Херня, – ответила светлая блондинка. – Не думаю, что у него хватит наглости у тебя жить, занимать на сигареты и таскаться к другой. Да и кто на него позарится?

– Он симпатичный. Без денег, но смазливый гад.

– Может быть, – светлая блондинка повернулась в сторону Саши. – И секс-гигант... как ты рассказывала. Но на одном этом далеко не уедешь.

Темная блондинка подозрительно вскинула голову, ее подруга быстро продолжила:

– А ты ее-то не разглядела? Ну, девку эту?

– Не-а.

– Ну вот, не бери в голову, заняться, что ли, нечем, – с облегчением, как показалось Саше, выдохнула светлая блондинка. Темная неопределенно качнула головой и машинально поднесла пустую чашку ко рту. Она уставилась в сторону детской площадки, мельком поглядывая, на месте ли ребенок.

Саша хотела остаться еще, но набухающая молоком грудь велела как можно быстрее возвращаться домой. Не время было задавать вопрос и отвечать на него перед собой и обще-

ством: «Тварь я дрожащая или право имею кормить грудью в общественном месте?» Не время для экспериментов, бунта или риска, который мог обернуться комками в груди.

Она подчинилась. Забрала цепочку и, пока быстро катила коляску к дому, размышляла о мамах в торговом центре.

Как слеп человек, когда дело касается любимых. Так слеп, что можно пропустить страшное: что ты для мужчины временный удобный вариант; что он живет с тобой и твоим ребенком лишь потому, что ты даешь деньги на пиво и сигареты. Или то, что с любимым спит твоя же подруга.

Как знакомо.

Как обыденно.

как же хочется вина

* * *

Когда-то же надо было решиться. Почему не сегодня?

Четыре дня подряд по пути в парк Саша покупала выпечку и проходила мимо полок с алкоголем. На первый день немного притормозила коляску, на второй – мельком взглянула на полки, на третий – остановилась в винном отделе на несколько минут, на четвертый – взяла в руки, а потом сразу поставила назад бутылку итальянского санджовезе.

Если уж покупать что-то, то не в месте, куда она потом еще захочет зайти.

Ближайшие к дому магазины не подходили, даже соседние кварталы казались опасной зоной. Она нацелилась на огромный супермаркет в сорока минутах ходьбы.

Разум не отпускал: зачем тратить деньги, которые, кстати, и так скоро закончатся и *больше никакого кофе и еды* на эту бордовую, пахнущую спиртом и скисшим виноградом жидкость. Зачем, спрашивается, обрекать себя на двухдневное сцеживание в раковину – ручное, потому что автомат был совсем небюджетной покупкой, – и кормление смесью.

А затем, что хотелось вкусить, ощутить, растереть на языке вкус свободы. Выдавить из груди грузное нечто. Пусть и на вечер, на ночь, на какие-то пять часов перед сном. Приправить это удовольствие легким дурманом наутро.

всего-то

Всего пару бокалов. Неслезливый, неромантичный, недушевный, а до одури тупой и смешной – фильм. Что в этом плохого? Ну может же человек – даже кормящая женщина – хотеть выпить вина?

разве нет?

Она купила недорогое мерло. А к нему спагетти, фарш, лук и морковку, большую пачку печенья, сливочное масло, кефир. Не к вину, а замаскировать необходимость «только вина». Все, чтобы было не стыдно, чтобы не было страшно внезапно обнаружить на кассе осуждающие взгляды – «мамаше днем уже алкоголь нужен» – покупателей.

Никто на нее даже не посмотрел.

Недалеко от дома к продуктовому набору она добавила магазинные, готовые роллы. Давно хотела. Только бы дотерпеть до вечера. Сначала – нудные обязательные дела: покормить и подмыть ребенка, сделать легкую зарядку, которой обучили в больнице, дать лекарства – сначала совершенно бесполезно упрашивать, убаюкивать, потом пытаться открыть его рот и про-сунуть лекарство, молясь, что он проглотит, а если нет, то вытирать подбородок и идти разво-дить новую порцию.

ну давай же, давай

Когда ребенок уснул, Саша аккуратно переложил восемь кусочков ролла с лососем в самую красивую тарелку, дополнила композицию палочками и васаби; дрожащими руками открыла вино и налила первую порцию на доньшко – так делали в дорогих ресторанах, она

знала – бокала. Включила не фильм, а сериал про проблемы богатых подростков – естественно, ерундовые и надуманные, но в этом и смысл.

Да. Было хорошо.

* * *

Эта бутылка растянулась на два дня. Саша выдержала неделю и купила еще, но уже терпкого, пряного – теплого темпранильо. Еще через несколько дней – в пятницу – простое надежное каберне. Она смотрела сериал и одновременно листала старые фотографии.

Вспоминала, что радовало раньше: запах нового постельного белья, кофейня по пути на работу, любимая пудра, планы на выходные с друзьями, легкая походка, горящие путевки и мечты...

Что радует сейчас: кофе по акции, четырех-шестичасовой сон без пробуждений, солнечная не дождливая погода без ветра, спокойно погулять/почитать/побыть в тишине целый час, пока спит ребенок.

Вот это скука!

сука-скука

Она сделала еще несколько глотков. Резко нажала Enter и остановила фильм. На некоторое время замерла, уставившись в одну точку.

Вино и похождения красивых людей возбудили ее. Поселили глубоко в душе зуд, жажду опробовать что-то новое, вылезти из скучного «я» и обрести, слепить новое, искрящееся эмоциями существо. Как тогда, до Марка, беременности и родов. И нет *нет-нет-нет* неправильно она думала раньше. Сейчас больше радует возможность забыться. Убежать.

А что, если...

нет

Ребенок спит и еще часа три или четыре, скорее всего, даже не шелохнется.

Как она вообще может так думать?!

Но ведь ничего страшного не случится. Она просто посмотрит на танцующих людей, выпьет самый дешевый коктейль. Или колу. Всего один бокал!

о-о-о нет

Саша расчесала волосы, достала, убрала, потом снова достала косметичку. Разозлилась на свою беспомощность, нерешительность. Включила музыку в наушниках. Налила третий бокал и посмотрела, что в бутылке осталось еще немного. Когда она закончила с макияжем, то допила последние капли. И уже немного пританцовывала, двигая бедрами.

о-о-о да

Решимости сильно прибавилось. Дело пошло быстрее. Она и не заметила, как заказала такси, как в него села и вышла у ближайшего знакомого бара. Проскочила внутрь. Возле гардероба, небрежно закидывая сумочку на плечо, взглянула на себя в зеркало и хмыкнула – с распущенными волосами, стрелками и в коротком необтягивающем платье ни у кого не хватит наглости назвать ее мамашей.

Села у стойки в углу и сделала заказ добродушному, бритому наголо парню. Бармен, ободряюще улыбнувшись, поставил перед ней виски-колу. И Саша, подгоняемая алкоголем, быть может, адреналином, забытым, где-то там, в параллельной жизни, спящим ребенком, осмелела.

Расслабила тело. Закинула ногу на ногу. Слушала музыку *и не ту мрачную утреннюю молитву, приспешую к ее душе*. Ей улыбались, она улыбалась в ответ. Поймала долгий взгляд симпатичного парня, и от этого бросило в жар. А может, разогрела энергия людей вокруг.

Она заказала второй коктейль. Парень еще поулыбался и пропал. А Саша не удержалась и потанцевала в толпе, с каждой секундой распаляясь все сильнее. Как бы было прекрасно

к кому-то прижаться, ощутить рядом совершенно реальное, физическое тело, с которым можно что-то сделать. Но молодые люди вокруг увивались за другими девушками, может, пришли с ними или просто познакомились раньше.

А она не могла дольше ждать. Скорее домой – молоко невыносимо хотелось сцедить.

И через сорок минут Сашу не оставляла пьянящая ночная атмосфера. Она избавлялась от излишков молока, смывала косметику, отматывала кусочек туалетной бумаги, укладывалась в кровать, с блаженством вытягивая руки и ноги, а перед глазами стояли яркие огни, вспышки цветомузыки, бодрые веселые люди.

Она знала, что пойдет туда снова.

Убежит.

Она повторила ночную вылазку в следующую субботу. На этот раз удалось познакомиться с очаровательным, но скромным юристом, проболтать с ним два часа, страстно-близко потанцевать и расстаться, оставив чужой номер телефона.

Искры не случилось. Он купил ей не меньше четырех коктейлей, поэтому утром в воскресенье Саша от недосыпа и плохо смытого макияжа была похожа на гулящую кошку.

Не лучший момент, чтобы принимать гостей. И именно сейчас, естественно, эти самые непрошенные гости решили заявиться без приглашения. Эти ее родственники, как у всех – шумные, крикливые, лучше всех все понимающие, свое мнение всем навязывающие. У кого-то бабушки, дедушки, тети или дяди, тещи и тести, свекры и свекрови. А у нее оставались лишь папа и его родственники, но они были далеко, и старшая мамина сестра, с дочерью и внуками. И вот эта тетя Люся...

Тетя была как потоп, как поток: слов, действий, а главное, советов. Лишь она знала, как правильно жить, любить, ухаживать за мужем – опционально, при наличии – и, конечно, как воспитывать детей. Она несколько раз звонила Саше в больницу, настаивала приехать, когда их выпишут. Надо же устроить «кашу» ребенку, что-то подарить от своих внуков «не переживай, почти неношеное», рассказать про свой опыт с детьми. Естественно, тетя хотела как лучше, но у Саши пока не было моральных сил на общение.

И вот сейчас незваные гости стояли на пороге. Тетя Люся, дядя Ваня и три пакета.

– Ну, где малыш? – с порога спросила тетя, раздевшись и мельком поцеловав племянницу в щеку. Саша кивнула в спальню. На ее удачу, ребенок спал.

Тетя помыла руки, быстро взглянула на маленькое личико в одеялке, вернулась и самым громким шепотом принялась командовать:

– Вань, отнеси пакеты на кухню. Сашуля, вот тут продукты, я старалась брать полезные, ты же кормишь, да? Надо кормить, грудное молоко полезно, в интернете столько об этом пишут!

Все трое прошли на кухню, тетя начала выкладывать продукты на стол. Ее цепкий взгляд сканировал окружающее пространство: чисто ли, есть ли продукты и все нужное для ребенка?

– Поставь чайник, пить хочется, – велела она Саше. А потом вдруг остановилась и принюхалась: – Чем это пахнет?

– Перегаром, – хохотнул дядя Ваня и пролез в угол на диван.

– Сама не знаю, наверное, от лекарства, – сухо соврала Саша. Тетя открыла холодильник *слава богу, она не покупала вчера вино* а потом выпрямилась и присмотрелась к племяннице.

– Ты совсем плохо выглядишь. Устала? Не спит?

– Да, – снова соврала Саша. Что бы, интересно, сказала тетя, если бы узнала, как резво племянница вчера двигала бедрами перед почти чужим мужчиной.

Ответ тетю удовлетворил – это вполне вписывалось в ее картину мира. Не умолкая ни на секунду, она начала энергично доставать подарки из двух оставшихся пакетов. Саша пока разлила чай, достала шоколад, выставила на стол принесенное печенье.

– Смотри, вот здесь почти новая одежда, Маша передала. Она, конечно, для новорожденных, но ты сама говорила не приезжать к вам в больницу. Не хотела нас видеть, так просто пакет бы взяла. Ну, ладно, сама посмотришь, что подойдет.

Тетя перевела дух.

– А здесь старые погремушки, но ты не смотри, что немного потертые, они очень хорошие и любимые. Зачем покупать, если у нас все есть. Не чужие же люди. Много вещей, из которых девчонки выросли, все соберем и привезем, можешь вообще на одежду и игрушки не тратить. Жаль велосипед и самокат розовые, так бы тоже отдали. Шезлонг привезти? Маша сказала, что это просто спасение и не повреждает позвоночник, а ты же знаешь, как она относится к детскому здоровью...

Конечно, Маша (тетя-Люсиная дочь со своей идеальной семьей, детьми двух и пяти лет и успешным мужем) – просто идеал.

– Спасибо большое! – поблагодарила Саша, наблюдая, как дядя Ваня хлебает чай из большой кружки и хрустит печеньем. Вот феномен, ему же почему-то не хотелось лезть к недавно родившей племяннице. Или он очень хорошо сдерживался.

Наконец тетя перестала мельтешить и села. Саша немного выдохнула, но было еще рано. Тетя Люся только начала допрос:

– Колики мучают?

– Нет.

– Грудь берет хорошо? Молока много? Если что – пей горячий чай, травяной, в аптеке купи.

– Да, все в порядке, я знаю. – Саша покосилась на дядю, который уткнулся в телефон и делал вид, что его здесь нет.

– А еще соски мажь бепантеном, очень хорошо от трещин помогает. Головку держит?

Саша старалась держать улыбку, терпеть, подавлять растущее раздражение, но не получалось. Такое же выражение лица было у ее мамы, когда старшая сестра заводила тему о «никудышном бывшем муже».

– Нет, – тихо ответила она. Тетя Люся с тревогой на нее посмотрела.

– Ты что, это отставание! В больнице не сказали? Плохо! И ты так спокойно об этом говоришь! Надо уже на уши всех поднимать.

Саша пожала плечами, но тетя ждала какого-то ответа или мгновенного действия.

– Срочно ищи массажистку, только очень хорошую, она мигом все поправит. У Маши есть контакт проверенной девушки, я тебе скину.

– Хорошо.

– Обязательно, слышишь, обратись к ней! Нет, лучше я тебя запишу.

Почему все к ней пристали?

– Спасибо, я сама.

– Сама-сама, а ребенок в четыре месяца голову не держит, – всплеснула руками тетя. Саша чуть не подскочила на стуле.

Спокойно. Вдох-выдох.

– Или ты из-за денег? Хахаль твой не объявлялся?

Дядя хмыкнул.

– Мы больше не вместе, – мрачно выдавила Саша. Ее разрывало от раздражения, а тетя – специально или нет – все большее и большее цепляла.

– Ребенка заделал – пусть отвечает. На массаже нельзя экономить. Да грамотный массажист ребенка на ноги поставит!

– Тетя Люся, извините, но я уже взрослая. Спасибо вам, но я сама решу, куда обратиться. Она не справилась. Резкие слова вырывались против воли.

– Я просто хотела помочь, – повысила голос тетя, в котором смешались оскорбленные и возмущенные нотки. Потом она вспомнила, что в соседней комнате спит ребенок и притихла. – То, что ребенок не держит голову, – не нормально. Поверь, у меня уже двое внуков, я все это проходила. Давай мы оплатим массаж как подарок?

– Спасибо, не нужно.

– Ох, Саша, зря ты. Мы не чужие люди, хотим как лучше, хотим помочь...

– А я просила помощи? – Саша прямо посмотрела на сидевшую перед ней добродушную, но крикливую женщину.

Дядя перестал хрустеть печеньем. Тетя Люся осеклась, поджала губы, дожидаясь извинений, а потом засобиралась домой. Им пора к Маше, к Маше пора, она уже ждет.

Гости улетучились так же быстро, как и появились. Тетин чай остался стоять нетронутым. Саша убрала гостинцы, которые так и лежали на столе: творожные десерты, дорогие в это время года фрукты и ягоды. Запиликал телефон: зачисление денежных средств – молчаливый дежурный подарок от родственников с маминой стороны.

Она обессиленно опустилась на стул. Гневное раздражение прошло, на уставших глазах выступили горькие слезы. Тетя-танк. Тетя-манипуляция. Даже этот подарок, деньги – чтобы она, Саша, почувствовала стыд. Не они неправы – ворвались без приглашения. Нет, это она, неблагодарная грубиянка, виновата.

А как, как рассказывать о проблемах с ребенком, когда от родственников получаешь лишь упреки, обвинения и моральное давление? Вечное тыканье в собственные неудачи. А еще простодушное сравнение с великолепной Машей. Машей-звездой!

Тяжело. Страшно.

Телефон опять пиликнул: это сестра по просьбе своей мамы скинула телефон массажистки. Саша таки ощутила укол совести и поднимающуюся изнутри злость. Глаза высохли. Обида тети-танка и Маши-звезды дала ей спасительную передышку, но правду все равно придется рассказать.

Когда-нибудь.

четыре

(больница, пятая неделя после родов)

Нет, трехлетняя девочка не была лысой. Она забавно дергала ножками, сидя на бледно-зеленом высоком стульчике, сжимала в руках большого, истертого – потому что любимого – медведя и не могла оторвать взгляд от мультиков на телефоне.

Сначала она лысой не была – и вот она лысой стала.

Все произошло быстро. Медбрат достал с полки и разложил перед собой нужные инструменты. Взял ножницы, мастерски, как заправский парикмахер, взвесил на руке волосы, определяя густоту, и несколькими отточенными движениями обстриг основную длину. Мама девочки – красивая молодая женщина лет двадцати пяти, стройная, темноволосая – открыла рот, хотела было ахнуть, пожалеть, что-то выразить, но промолчала. Даже и не думала о волосах до пояса, все пустое, завтра ее дочь ожидала трепанация черепа.

Следом в ход пошла электробритва – раз, два, три, летала она в руках молодого еще парня в бело-синем медицинском костюме. Проведя рукой по получившемуся мягкому ежику, он открыл новый безопасный станок, вспенил средство для бритья и показал маме девочки, как добиться идеальной гладкости.

– Дальше справитесь? – спросил он у молодой женщины. Та кивнула, взяла бритву и твердой рукой провела лезвием от виска до затылка. След – ровная дорожка с остатками белой пены по краям – на несколько секунд замер в одном месте, чтобы почти сразу появиться в другом.

и так – один за другим

Саша оглянулась.

С одной стороны стояла кривая, но устойчивая металлическая полка с детскими горшками и рыже-коричневыми, вареными клизмами. С другой – раковины и уголок со швабрами и тряпками. Название этой комнаты она не знала. Сегодня вечером здесь готовили детские головы к операциям.

– Как зовут мальчика?

Саша вздрогнула – не ожидала, что с девочкой закончат так быстро. Ответила.

– Ну-ну, не кричи, не бойся, сейчас отпущу. Мама, снимите шапочку, – попросил медбрат.

Саша подложила под голову младенца простынку, и процедура повторилась в ускоренном виде: пена, несколько ловких движений, и небольшая нужная зона освобождена от жидких волос.

Вот и все.

Мама безволосой красавицы тоже закончила, смыла в раковину щетинистую стружку. Она не плакала, а делала то, что должна была делать, подпевая персонажу из популярного детского мультфильма. Саша уже укутала ребенка и хотела уйти, как молодая женщина подняла голову. Ее глаза молча и горько говорили. Проникали в душу. Были самым смыслом, самым страданием.

И Саша их понимала.

* * *

– В восемь?

– В восемь.

– И не кормить.

– Не кормить.

Инна уезжала утром. Они сидели перед ночным чаем и перешептывались, чтобы не разбудить Машеньку.

– А Катю ты видела?

– Все такая же.

Саша закрыла лицо руками. Пусто было и оттого, что Инну выписывают, и оттого, что завтра ждет неизвестность. Но ее пустота не могла сравниться с пустотой Кати, которая с того самого дня почти ни с кем не разговаривала и на все вопросы отвечала улыбкой и фразой «все будет хорошо».

Экран телефона загорелся.

– Это Женя, – объяснила Инна. Она быстро напечатала несколько предложений.

– Не тяжело с кем-то постоянно жить? – вырвалось у Саши. Она хотела сменить тему.

– По-разному. И тяжело тоже. Десять лет вместе как-никак. Любовь любовью, но ты сама понимаешь.

– Вы молодцы.

– Нет, – подняла глаза Инна. – Мы живем как можем. Вот, знаешь, говорят, что отношения – это работа. А я думаю, что отношения – это умение договориться. И хороший секс. Или умение договориться, где взять хороший секс.

Саша хмыкнула. Секс – любой *хоть какой-то* ей давно неоткуда было взять. Куда уж тут?

– А чем занимается твой муж?

– Мы вместе занимаемся. Когда только познакомились, он был хорошим снабженцем, я неплохим организатором, а тогда руководила отделом продаж в гособоронке. Подвернулась возможность, создали компанию, поставляем на производства редкие детали. Вот потихоньку раскрутились, купили дом.

– Вы еще и работаете вместе!

– Да, – усмехнулась Инна, – мы вместе большую часть осознанной жизни. Женя – сложный человек и мало кому сразу нравится, но он хороший.

– И можно любить так же, как много лет назад?

– Можно любить еще сильнее. Просто по-другому. Женя – мой лучший друг и самый близкий человек. Сначала нас сплотили общие ценности и свободолюбие, потом общие достижения в бизнесе, а после Машутки – общие трудности. Сейчас мы неразрывны. Правда, я еще не поняла, хорошо это или плохо.

– Вы нашли друг друга, создали семью. Это очень здорово.

Рыжая красавица пристально посмотрела на Сашу, хотела что-то спросить, но передумала.

Они замолчали, отвлекаясь на остывающий чай.

На экране телефона высветилось время: 00:00. Скоро ребенок проснется, запросит грудь – врачи уже неделю как разрешили кормить самой, а не из бутылочки, – но так и не получит долгожданное молоко. Нельзя.

– Боишься? – повернулась к ней Инна.

– Не знаю.

– Нужно, чтобы кто-нибудь побыл рядом. Хочешь, мы задержимся? Палату надо освободить, но мы посидим в коридоре или выйдем все на улицу, Женя заберет Машутку, а мы прогуляемся.

Саша замотала головой: нет, это будет странно.

– Все будет хорошо, – сказала она.

И почти всю ночь не спала – качала маленькое голодное тело в одеяльце. И от усталости уже не помнила себя.

Время играло с ней. Хохотало. Юлило. Менялось: то сужалось, то расширялось, то замедлялось, то ускоряло свой ход. Естественно, это была лишь иллюзия, относительность, время без времени. Она знала еще с дошкольного возраста, что минута отсчитывается шестьюдесятью секундами, час – шестьюдесятью минутами. А сейчас все, что от нее требовалось, чтобы не сойти с ума, – это наблюдать за стрелками, про себя вести счет *это не возбраняется* но не задумываться о том, что будет на следующий день.

Меньше чем через пять, четыре, три часа начнется операция.
куда себя деть?

* * *

С шести утра она сидела на диване у поста медсестры. Не боялась, будто отупела. Мирно наблюдала, как подходит время, приходят люди, некоторые понимающе ей кивают. Разговаривать, конечно же, не хотелось. И не могло.

В восемь часов сонная медсестра взяла папку с документами и через длинные коридоры, лестницы, грузовые больничные лифты для персонала повела Сашу и ребенка в соседний корпус. Место для ожидания. В небольшой – метров тридцать – комнате на диванах сидели женщины с разновозрастными детьми. Кто-то читал, кто-то перешептывался, кто-то напряженно смотрел в одну точку, вцепившись в малыша.

Она устроилась рядом с бабушкой восточной внешности – это можно было понять по халату и повязанной платком голове, – которая следила за мальчиком лет двух-трех. Саша села и замерла, иногда качая ребенка, который обессилел от голода и непростой ночи. Он крепко спал. Живот крутило, в голове вибрировало: ааа... ууу... эээ...

В одиннадцать утра ее позвал врач-анестезиолог. В соседней комнате он дал прочитать и подписать документы, а сам пока раздел и осмотрел ребенка, приговаривая: «Ну-ка давай посмотрим, что у тебя тут», «Не кричи так сильно, мамку испугаешь».

– Не переживайте так, операция не сложная. До вас таких две было, а сразу после – на пять часов, – мягко сказал анестезиолог, усаженный красивый мужчина, когда Саша закончила с бумагами.

Интересно, что бы он сказал, если бы прочитал ее мысли? Она не переживала за младенца, ей просто, просто было плохо самой. Но ожидался совершенно другой ответ.

– Спасибо.

– Идите, медсестра вас позовет, когда Олег Палыч закончит.

Саша кивнула. Оглянулась, когда уходила. Ребенок плакал, надрывая горло. Ей не было его жалко.

Она села в комнате, на этот раз почти пустой. Закрыла лицо руками, да так и не отнимала их до прихода медсестры. Та проводила Сашу к коридору у реанимации и велела ждать. Предупредила: ребенок немного побудет здесь, и, как только врачи решат, что все в порядке, можно будет перевести его в палату.

Через некоторое время напротив сели усталые, но довольные мужчина и женщина, родители еще одного прооперированного ребенка. В руках они держали стаканчики с горячим кофе и сэндвичи.

Саша не могла говорить, не хотела, но уже и не помнила, кто начал разговор. Сначала это был такой больничный small talk – обмен репликами про бытовые условия и врачей. А потом *как часто и выходит*

– У нас все произошло совершенно неожиданно. Дочь каталась на велосипеде, упала и почувствовала себя плохо. Оказалось – огромная опухоль. Срочно подняли всех специалистов, благо много знакомых в Москве. Детей распихали по бабушкам и поехали.

– У нас еще трое, – пояснил бородатый мужчина. – Вроде опытные родители, а пропустили.

– Ну, кое-кому работать надо меньше. Одной разве уследишь за всеми? В общем, сегодня вторая операция, поставили шунт, мелочь по сравнению с первой, серьезной. Мы еще ждем биопсию, но прогнозы хорошие, – продолжала женщина с некоторым подобием улыбки.

Где-то Саша это уже слышала.

– Так что скоро домой, – женщина потянулась и зевнула, отчего у Саши непроизвольно разжались челюсти. – О боже, как я соскучилась по своей кухне, по своим тарелкам, хорошей еде! По детям, естественно. – Женщина засмеялась, а мужчина мельком кинул взгляд на ее выпирающий над джинсами живот.

– Все будет хорошо, – попрощалась Саша, когда за ней пришла медсестра.

Вместе с женщиной в белом халате они провезли каталку через несколько длинных проходов, проехали на трех лифтах и вкатили ее в палату. Саша осторожно перенесла спящего младенца в кроватку.

– Каждый час измеряйте температуру, раз в три часа давайте по ложечке воды. Если спит – смачивайте губкой рот. Чуть что, сразу зовите меня. – Медсестра на секунду задержалась в дверях.

– Хорошо, спасибо!

Какое-то время Саша не двигалась – смотрела на белую эластичную повязку на голове, на заостренное от наркоза лицо. Потом села на краешек своей кровати.

Вернулись соседка с внучкой – они заканчивали сборы и ближе к вечеру тоже должны были уехать. Девочка достала раскраску, фломастеры и разлеглась на кровати. Старушка куда-то исчезла, а потом вернулась с подносом.

– На, – она поставила перед Сашей тарелку с бутербродами, – и я сделала сладкого чаю. Совсем ты себя уморила сегодня.

* * *

Нечто тяжелое в ее душе укрепились, многократно усилилось после отъезда Инны и Киры Степановны. Катю с малышкой не выписали, а перевели в онкологию. Они лишь кивнули друг другу на прощание. Вот и все. Больше они не поговорят как приятельницы. Катя закрылась в броне позитива и фразы «все будет хорошо». А Сашу уже бесила эта пустая, беспомощная, мнимо успокоительная фраза.

но она все повторяла и повторяла ее

Женщину – маму четверых детей, с которой они беседовали перед операционной, – Саша увидела через несколько дней в ужасном состоянии: налитые кровью и слезами глаза, грязные волосы, ночнушка – вся в пятнах – неуместная для столовой. Другие мамы за столом шептались, что у девочки, упавшей с велосипеда, оказалась «четвертая стадия». Дальше Саша уже не слушала, быстро закончила еду, вернулась в палату и долго, не шевелясь, просидела на кровати.

Вот видишь, – хотелось сказать кому-то. Совсем не все «хорошо».

А когда она увидела новую соседку, то поняла, как мучительно пройдут следующие недели. Палату теперь заняла тетка – хабалка, последняя хамка, которая разбрасывала вещи, часами громко и визгливо разговаривала по телефону, не проветривала помещение после залежалой копченой рыбы, невымытых подмышек, несвежего, не стиранного, вероятно, годами халата. Саша никогда не видела ее с полотенцем, идущей в сторону душа. И не могла представить соседкин шепот – громкий крик был стандартом общения даже и особенно с ее собственным двухлетним ребенком.

Они сразу друг другу «понравились». И Саша старалась как можно меньше времени проводить в палате. Каждый раз, когда она видела соседку, то внутренне напрягалась, что опять придется как-то реагировать: отвечать, отмалчиваться, ругаться.

Вначале тетка разговаривала примерно так: «Скажи, а можно вещи-то убрать? Свою половину засирай», «Вот я не понимаю, что с тобой не так. То дверьми хлопаешь, то пыhtiшь ночью, спать не даешь. Куда ходишь? Ссать или срать, что ли? Лечись тогда, че уж». Через несколько дней взаимного неприятия она разошлась: «Ты уже бесишь, а! Че тебе нормально не живется? И малой скемит постоянно», «Че молчишь, оглохла? Я говорю, вещи свои убери!», «Думаешь, мне приятно на соски твои смотреть? Иди в туалет корми. Не одна живешь».

Оказалось, что делить несколько метров площади с грубым, агрессивным человеком было очень энергозатратно. Саша с каждым днем все больше выдыхалась. Силы оставались лишь на больничную рутину и нарастающую злость. Раздражение расходилось: больше нельзя было спокойно пить кофе и читать, пока младенец спит; нельзя было тихо подумать, размеренно сделать самые обычные дела. Всему этому простому, бесхитростному спокойствию сопутствовало напряжение: за что эта хамка зацепится в этот раз?

за всё

Хабалка каждый день сообщала все важное кому-то по телефону: «Че за говно опять приготовили, мне еще такой параша не хватало», «Врачи – вчерашние студенты, бя. Один говорит одно, другой другое. А тут соплюшка, ну, медсестра, кровь у малой берет и тупит. Что? Естественно, я все высказала. Ах-ах, нече тут у меня», «Да че, ужасные палаты – маленькие, тумбочки облезлые. Эта тут еще. Бесит».

Саша не выдержала и повысила голос:

– Можно потише? Ребенок не может уснуть.

Она уже перестала реагировать на хамку, но усталость, неспящий ребенок и противный голос женщины наложились друг на друга. Заполыхало.

– Ну, развопилась, бя.

– Тихо! Заткнись уже! – взбесилась Саша, топая ногой. Ребенок на руках закричал. Еще немного, и она бы ударила эту женщину. Представила. Она бы пинала и пинала тетку, высвобождая злость на весь остальной мир.

– Ты че, а? – вскочила та, с силой сжимая телефон в руке и размахивая им прямо перед Сашиным лицом. Так они и пыhtели друг напротив друга: Саша с младенцем на руках и соседка с перекошенным лицом.

Старшая медсестра вовремя заглянула в палату:

– Что случилось?

– Ничего, – зло буркнула соседка, падая на кровать. Ее дочка даже не обратила внимания на перебранку, не отвлеклась от мультиков.

– Невролог вызывает, – повернулась медсестра к Саше. – Прямо сейчас.

Саша схватила с кровати телефон и выскочила с ребенком, не захватив коляску. Они вместе с медсестрой шли к выходу из отделения.

– Вы там что устраиваете? Доиграетесь же.

– Вы сами знаете, какая она. Сделайте что-нибудь, чтобы нас расселили. Или как-то угомоните.

– Если только в одиночную. Одна мамочка с очень тяжелым ребенком лежит, жаль ее... Больше некуда.

– Вы просто терпину нашли. Я живу и молчу, да? Вам спокойнее. Ждете, что она меня покалечит? – в этот момент Саше не было дела, что подумает медсестра. Люди в белых халатах и так слишком много всего видели. Ходили истории о сумасшедших, которые били своих детей и друг друга, набрасывались на хирургов, пытались покончить с собой. И все это здесь, в больнице, в страшном временном пристанище пациентов, в обычной рутинной рутине врачей.

Женщина промолчала, а когда они вышли из отделения, то свернула к лифтам. Саша промчалась по коридору и залетела в нужный кабинет. Устроилась на стуле напротив полненького мужчины лет сорока, который читал больничную карту.

– Здравствуйте. Я невролог-эпилептолог. Ваш врач просил посмотреть МРТ и анализы ребенка.

Да, куда-то Саша носила младенца, делала то, что говорили люди в белых халатах. Но что там было?

– Вам уже рассказывал Олег Павлович...

Нейрохирург. Что?

– Про диагноз и лечение, – продолжал доктор.

Он всмотрелся в нее, красную и злую после перебранки с соседкой, с ребенком на руках. Сухие во всех смыслах глаза, понятно, ему не понравились. Да, Саша вызывала удивление тем, что не бегала по пятам за врачами в надежде получить конкретные ответы о состоянии ребенка и прогнозах лечения. Но и притворяться сил не было.

сил нет, понимаете, сил

– Наверное. Да.

Да. Он объяснял. Просто помнить такое не хотелось.

Невролог опять странно на нее посмотрел и стал говорить медленнее, тщательно проговаривая слова:

– У вашего ребенка подозрение на ДЦП и часто сопутствующая этому эпилепсия.

– А-а-а.

– После родов его быстро реабилитировали, приступы купировали, но поражение серьезное.

– Понятно.

– Ему провели эндоскопическую операцию, чтобы избавиться от гидроцефалии, вы знаете, что это скопление спинномозговой жидкости в желудочках мозга. Живает хорошо, но по анализам вижу инфекцию.

Врач помолчал, с сочувствием и, как казалось, раздражением, ожидая ее реакции. Потом добавил:

– Пока выписываться рано.

– Подозрение – это значит, что может и не быть? – уточнила Саша. Если чему-то жить, то почему бы не надежде.

– Угроза ДЦП, – поправил сам себя доктор. – В вашем случае полностью последствий не избежать. Поражение мозга было значительное. До года, а то и больше диагноз ДЦП ставить некорректно.

Некорректно, значит.

Саша поплыла. Ее сознание застревало, мгновенно загустевало сразу после слов «ваш ребенок... ДЦП». Какой такой ребенок? Какой такой ее? Что происходит?

Мужчина отвернулся и зашуршал бумажками.

– По эпилепсии. Я выписал новые противосудорожные препараты, с завтрашнего дня начинайте вводить по схеме. Вот.

Он протянул Саше заключение: диагноз на несколько оглушающе плотных абзацев и расписанный план приема лекарства. Выписал рецепт *такой почерк, что и не поймешь, буквы это или неназванное сая Т, сая...*

Она кивнула.

Глупо.

Как так может быть, что ей все всё говорили, но она не слышала? И ребенка лечили, что-то капали, но она не думала – не хотела – спрашивать?

Невролог подался к ней всем телом, оперся локтями о стол и очень медленно, вкрадчиво заговорил:

– Александра Валерьевна, вы понимаете, что сейчас нужно сделать все, чтобы развивать двигательные возможности ребенка, но при этом не ухудшить его состояние? Вашему ребенку нужно наблюдаться у невролога и epileптолога, можно у меня. Вы должны вести эпидневник. Отмечайте количество и длительность приступов. Приедете ко мне на прием через три-четыре месяца, и посмотрим динамику на препаратах.

В голове шумело.

Ребенок напрягся, закричал. И она бы хотела. Закричать, заплакать, кинуть его доктору, ну или пусть даже на пол, освободиться и бежать, бежать.

– Вам все понятно? – уточнил невролог. – Возьмите дневник приступов.

Саша опять кивнула и встала. Но не ушла.

– А почему?

– Что «почему»?

– Почему это произошло? Это врачи... ошиблись при родах?

– К сожалению, такое случается. Обвитие, небольшая недоношенность, поражение мозга.

Естественно, врачи не виноваты. Конечно, они будут выгораживать своих. Солидарность, сука.

– А что же... – Саша всхлипнула, но не от подступающих слез, а от никак не унимающегося жара. Бессилия? Ненависти? – Что же дальше?

Ничего хорошего. И зачем только спрашивать.

– Пока вам никто не даст прогнозов. Ребенок растет, мозг развивается. Главное – сосредоточиться на лечении. Обеспечить хороший уход. А там уже смотреть на реакцию организма.

Саша онемевшими руками качнула туда-сюда ребенка, как будто что-то проверяя: голова болталась, как на ниточке, тело – уже расслабившееся, мягкое, непослушное, – казалось, не имело мышц.

кукла на шарнирах, которая управляет кукловодом

Это что же ей досталось? Осталось?

И как же теперь быть?

Она вернулась в палату за коляской, взяла шапочку для прогулки, переделась в джинсы и футболку. Соседка по-прежнему лежала на кровати. Она издала какой-то звук, хотела продолжить ссору или что-то прокомментировать в Сашином поведении. Но та резко повернулась к хамке:

– Закончили. Больше ни слова мне не говори.

– А то че? – нагло ошетинулась тетка.

– Мы лежим в больнице, лучше смотри за своим ребенком. А от меня отстань.

– Блядь.

Но Саша уже не слушала. Она прицепила люльку на раму и вышла из палаты, а минуту спустя уже и из отделения на общий этаж. Пыталась как можно быстрее толкать коляску с захлебывающимся от плача ребенком и как назло – естественно назло – ударялась обо все дверные проемы. Хотя она не любила гулять по больничной территории, но выбора не было. Чтобы успокоиться, нужно было двигаться. Передвигать руками коляску, передвигать ногами себя.

Идти и идти вперед.

* * *

Обстановка в больнице изменилась.

И за следующие недели лета так и не вернулась в комфортный режим. Не было больше отвлекающих посиделок, разговоров с позитивной Катей, не было кинопросмотров в отдельной палате Инны, Машенькиных рассуждений – наивно-детских, но умных и трогательных.

Инна писала в мессенджеры почти каждый день, и иногда казалось, что лишь эта ниточка держала Сашино эмоциональное состояние. Связывала ее с кем-то понимающим, кем-то поддерживающим, с кем-то из внешнего теперь уже мира.

Менялись препараты, которыми врачи пытались избавиться от инфекции, менялись одноразовые ложки, между которыми она перетирала противосудорожные таблетки, менялись разноцветные пеленки и новые детские одежки, которые она заказывала с доставкой.

Менялись соседки по палате, и после хамки, которую переселили неделю спустя, все казались бесцветными, даже чересчур нормальными.

Но Саша оставалась той же.

Или нет?

Время пролетело быстро – лекарства, капельницы, пункции спинномозговой жидкости, надежды на снижение показателей. Уход за ребенком. Общение с другими мамами. Саша встречалась с ними в коридорах, обедала вместе в столовой, слушала разговоры о диетах, косметике, звездах и новых шоу, охала на их личные истории о детях и мужьях. Уныние и гнев забетонировали многие сердца, но они отчаянно – страстно – искали выход.

В самом конце августа, в пятницу, врач поймал Сашу в коридоре и энергично постучал по медицинской папке. Выписывают. Показатели в норме, можно ехать домой. Когда? Да хоть сейчас, только подождать выписку, подойти за ней часа через два.

Домой. Помыться, полежать на своей кровати, спокойно в одиночестве пить кофе на кухне. Домой!

Саша собрала вещи – они никак не помещались ни в какие пакеты, а большие сумки она с собой в роддом не брала, кто ж знал, что так выйдет, – и уже через полтора часа ждала у кабинета лечащего врача.

Рядом на скамейке очень старая женщина ложкой кормила мальчика, сидящего в инвалидной коляске. Обветшала тряпичная сумка, из которой выглядывали термос и два небольших контейнера, занимала почти половину сиденья. Наверное, приехали на прием к врачу.

– Ты откуда? – скрипуче поинтересовалась старушка, еле поворачивая голову, давая понять, что обращается к Саше.

– Из нейрохирургии.

Старушка закрыла контейнер и убрала ложку, повернулась к Саше. Лицо у нее было в морщинах, на одном глазу белая пленка, на лбу сросшиеся седые брови, но взгляд – цепкий, грозный, живучий – опять напомнил праба Пелагею. Саша скользнула взглядом по мальчику.

– Не бойся, смотри, он не кусается.

Саша немного пошевелилась. Она не знала, что сказать. Старушке хотелось выговориться:

– Ты же понимаешь, да?

она не понимала

– Здоровые хуже больных. Рот откроют свой и смотрют. Залезли тут в автобус еле-еле, народу много, коляска неудобная. И мужичок молодой. А я говорю: «Шо сидишь, помоги или не глазей. Никогда ребенка, что ли, в коляске не видел? Да, скрюченные руки и ноги, спина горбатая, а вот говорит хорошо, и добрый он. А ты вот смотришь, глаза только лупишь. Ай, неприятно». Я, мож, в соцстрахе поругалась утром, этот в штаны наложил, а тут на тебе, дурачье какое-то в транспорте. Так он поморщился, отсел. «Пошли вы все со своими мордами», – думаю я. Государство не заботится о больных детях. А я молчать не буду, не дождуся!

Старушка рассказывала, поправляя на мальчике слюнявчик. А того, как показалось Саше, совсем не обижали чьи-то косые взгляды – или не до конца понимал, что это такое, – но зато его ужасно веселило бабушкино возмущение. Саша слушала, опустив голову вниз.

– Ну а дети, ну, другие, здоровые. Ума нет, вот и спрашивают, так хошь не хошь, сердце кровью обливается: «Такой большой и на коляске? Он дурак? Не такой. Пусть уходит». И не скажешь же ничего, не цыкнешь, малехонькие совсем. А этому-то, моему, обидно, все понимает.

Мальчик издал звук: то ли крякнул, то ли что-то сказал.

– Родители малых, видать, не научили, как общаться правильно. Один папаша, ирод, нам сказал: «Инвалиды должны дома сидеть, чтобы моих здоровых детей не расстраивать». Или «не пугать», уж не помню. Вот кто он? Я его чуть не прибила. У самого-то семья: и родители были, и дети по занятиям таким-сяким платным ходют, и едят что хотят, и машина есть. А мы одни, на автобусах, в снег и в дождь, да еще коляску попробуй закатить в моем возрасте. Никого у него, кроме меня, не осталось, померли дочка с мужем. Спились. Сгорели, царство небесное. Ворчу на него, а вот единственная кровиночка осталась.

Саша подняла взгляд на мальчика. Ей показалось, что он улыбнулся. Вот если бы она посидела рядом с ним подольше, то вполне могла бы привыкнуть к внешнему виду: перекошенному лицу, асимметричной улыбке, открывающей неоднородные десны, крупные, редкие зубы. Да, мальчик был и обнаженным страданием этого мира, и бабушкиной настоящей радостью.

Паника нарастала, и Саша прикрыла глаза. Замедлила дыхание. В груди стучало – отдавались все сказанные, зацепившиеся за сознание слова нейрохирурга, эпилептолога, Инны, Киры Степановны, медсестер и бабушки этого мальчика.

– Что с тобой, детка?

– Спасибо. Все хорошо. – Саша испугалась, что старушка услышит, как туго бьется ее сердце, как нечто – страх или гнев – сковывает сознание.

– Все будет хорошо, – повторила она.

И повторила бы хоть сотни раз, если бы это помогло.

Но нет.

ПЯТЬ

(настоящее время, пятый месяц после родов)

что в планах на вечер?

Много выпивки.

а еще?

Флирт, общение на эти ночные часы, танцы на виду у всех, поцелуи – возможно.

а секс?

Секс? Не знаю. Может быть.

В первый раз все случилось неожиданно и быстро – еще не остыли эмоции после визита родственников. Саша понимала, что нужно скинуть отравляющую обиду – оправданную, хоть и горькую, и приехала в бар подороже. Как будто знала. Как будто искала. И нашла.

– Какая же ты рисковая. Горячая! Ничего не боишься, да?

Какой дурак. Ему что, пятнадцать, захотелось спросить Саше. Говорил, что двадцать шесть. Надо было остановить его, но внизу живота уже зудело.

Он быстро надел презерватив – она проверила, – торопливо, как и бывает со случайными любовниками, потрогал ее влажное межножье и почти сразу вошел. Что-то еще шептал своими малознакомыми губами, почти не отрываясь от ее рта.

Их половые органы не подходили друг другу. Саша это поняла сразу, а он нет, он продолжал, наращивал темп, придерживал за бедра – не так, как она любила, – пыхтел, мял грудь – а она боялась, что выступит молоко, – целовал ее между бровями. Он пах не так, был не таким. Не ее. Их тела не подходили друг другу.

Ей хотелось, чтобы все закончилось как можно... *а, уже!*

Она вдруг представила лицо этого брюнета, вот если бы сейчас он выпрямился, застегнул ширинку и гордо произнес:

– Я все делаю быстро.

Это вполне бы ему подошло. Час, а то и два назад он энергично с ней познакомился, заказал коктейли и, пока она пила, рассказывал о своем стартапе, о перспективах, сыпал именами важных лиц, с которыми общается, хвастался дорогими покупками. Это было даже смешно. Он старался впечатлить ее, Сашу, у которой оставалось лишь два подходящих наряда для ночной жизни, а денег – немного взяла из подаренных на ребенка тетей и дядей – на один коктейль да на такси. После он привел ее в туалет бара.

И все изменилось. Испортилось.

Мужчина неловко отстранился, скатал презерватив, завязал его узлом и выбросил. Пока Саша надевала трусы и джинсы, повисшие на одной ноге, он промывал член над раковиной.

– Не подготовилась? – он вытерся салфетками, поднял штаны и чмокнул ошарашенную Сашу в губы. – Ничего, мне нравится разнообразие.

Это он про волосы в паху, только поняла она. Нет. Видеть обнаженные части незнакомого мужского тела и обсуждать свой лобок казалось очень несвоевременным. Очень личным. Отталкивающим.

Что теперь нужно было говорить? Какими словами прощаться? Ей хотелось прямо высказать: не надо делать вид, что все нормально, не надо утешать, что она, такая-сякая, согласилась на секс через час после знакомства, не надо обещать продолжение общения.

– Мы уже долго занимаем туалет, – неловко заметила Саша. А про себя подумала, что очень даже недолго. Это не было плохо. Просто он ей не подходил.

Брюнет приобнял ее за талию и ущипнул за попку.

– Поехали ко мне?

– Нет, мне завтра рано вставать. Спасибо. Пока.

Она быстро повернула замок и выскользнула за дверь. Ну и дура же. Ей было и странно, и как-то неприятно видеть рядом этого настойчивого бронека, который несколько минут назад приспускал штаны, страстно трогая ее там и тут.

Как же быстро проходит мнимое влечение.

Она приехала домой, в такси пытаясь стряхнуть неловкость и тревожные мысли: «Может, не надо было давать первому встречному?» Едва раздевшись, пошла в ванную, смыла того, туалетного, быстрого, а потом, поколебавшись, коснулась себя.

Наконец-то признала.

Она жаждала возродить в своем теле удовольствие. Хотела, чтобы ее касались и касалась она. Вспомнила, что любила все, что происходило между мужчиной и женщиной. Но Марк со второго месяца беременности... Да. И вот целый год.

Год у нее не было оргазма. Год ее не касались, не ласкали, не входили и не выходили мужские пальцы. Год ее губы не были рядом с другими – всеми! – губами, не стонали, не покусывали чужую влажную солоноватую кожу. Год.

А может, и больше.

Она вставила в себя пальцы и чуть не закричала.

Какая к черту разница?!

Ей двадцать шесть. Она пока еще привлекательна. И никому с «довеском» не нужна. Она может делать все, что хочет.

Она может трахаться.

* * *

Она очень быстро поняла, что молочная грудь дома – бесценна, но вот в сексе – бессмысленна. Дело было в самом факте кормления. В неконтролируемо сочащейся груди. В невозможности отделить бытовое, младенческое от того, что вызывает в ней желание. Молоко мешало – мешало! – полноценно жить и получать удовольствие.

А это значило, что с ним пора было кончать.

Смесь ребенку не особо нравилась. Саша приняла таблетки, снижающие лактацию, и за несколько дней молоко ушло. А потом к ее домашним делам добавилась еще одна суетная проблема – накормить. Она покупала одну смесь, разводила – предлагала ребенку – выливалась – морщилась от цен и покупала новую. На пятой, кажется, остановилась. Остановились.

Это отлучение от груди сдвинуло что-то в ней самой. Захотелось – ну и пусть он не такой, как она мечтала, – что-то дать взамен, как-то компенсировать внезапную молочную потерю.

В медицинском заключении среди набора страшных слов были указаны рекомендации: реабилитация, МРТ головного мозга (ближе к году), наблюдение у невролога-эпилептолога. Что это за расплывчатое понятие – реабилитация, Саша не понимала. И решила пригласить массажистку, но не ту, которую посоветовала тетя Люся и ее идеальная дочь Маша. Незнакомую. Чужую.

Но как выбрать?

Спросить было не у кого – ну, разве что на мамском форуме, к которому Саша питала легкое отвращение. Инна с семьей улетела отдыхать почти на месяц. Писала редко. Саша ощущала смутное чувство вины, хотя понимала, что ничего не должна своей новой больничной приятельнице. И та ей ничего не должна.

Вот и про массаж подумала, что разберется сама. Нашла среди объявлений то, что приглянулось больше всего: «Опыт работы с детьми от 1 месяца до 3 лет. Стаж – 10 лет (у массажисток тоже отсчитывается стаж?). Опыт работы со сложными детьми».

Внутри зудело желание делать что-то быстро. Ведь лучше что-то делать, чем не делать. Так?

– Так-так, – подтвердила массажистка. – Что у нас тут, посмотрим.

Она была грузная, большеглазая, краснощекая и выглядела моложе своих лет, до тридцати пяти. Как пришла, хорошенько помыла мягкие, но сильные руки, надела халат и только потом шагнула в спальню.

– У него... проблемы с движениями, – пробормотала Саша извиняющимся голосом. И рассердилась сама на себя. Сделала тон потверже. – Вы написали, что работали со сложными детьми.

– Да. И с гиперактивными, и с капризными, и с ленивыми. По типу вашего мальчика был один, не переживайте. Какие могут быть особенности, все такое же: руки, ноги, тельце.

Массажистка рассмеялась *не смешно*

Действительно, какие?

– Но это же только на пользу? – неуверенно уточнила Саша.

Женщина заметила эту неуверенность, поэтому чуть повысила голос.

– Массаж всегда на пользу! Не видела ни одного ребенка, кому он вредил. Если только делают безрукие специалисты, самоучки. Кому-то надо сэкономить, а те берут дешево.

– А есть противопоказания? – не сдавалась Саша.

– Конечно, есть. Обычно врачи предупреждают.

– У меня где-то есть копия обследования. Поищу.

Массажистка не отвечала – она сюсюкала с ребенком:

– Какие у нас красивые глазки, а носик, какой у нас носик. Да ты мой сладкий. Такой красавчик. Посмотрим на твои ручки и ножки. Вот. Вот. Какой умничка.

Саша хотела показать заключение врача, но почему-то не могла оторваться, не могла отойти от стола и что-то сделать. Ее заворожила игра с этим маленьким тельцем.

– Мамы всегда переживают с первым ребенком, – успокоила женщина. – Тем более у вас все непросто.

Непросто. Да.

– Но что-то делать надо, – продолжила женщина.

Надо. Но. Что за «но», объяснить Саша не могла. Она просто стояла, о справке уже забыла.

– По стоимости...

– Оплачиваете за каждое занятие или полностью, как вам удобно...

– За каждое.

– ...курс – это десять сеансов, кроме субботы и воскресенья. Ну, мы же не будем заниматься в выходные, да, котенок? Тебе тоже надо отдыхать. Да. Вот так, малыш, – последнее предназначалось явно не Саше.

Ох. Дорого. Она, конечно, отложила тетины деньги на массаж для ребенка, иначе что потом сказала бы родственникам. Что пропила? Или прогуляла?

– Здоровье нынче дорого, – согласилась массажистка, считывая Сашино настроение. – Да еще каждый месяц курс проходить. Целое состояние.

При этом женщина подняла голову и мельком оглядела комнату. Оценила обстановку.

– Ну что, записываю вас на завтра в то же время?

Саша кивнула.

Эта женщина хотя бы любила детей.

* * *

Раскол, душевный разлом сначала был почти незаметен.

Дома, с ребенком, дела не давали Саше сидеть на одном месте. Да и как это возможно? Встань – покорми – убери – дай лекарство – покачай – умойся сама – выпей кофе и поешь что найдешь – покачай – спусти на себе коляску – гуляй в дождь, град или снег – опять корми – готовь и ужинай – качай – корми, корми, корми *сколько можно?* давай лекарство – усыпляй – падай без сил.

Каждая замурованная ребенком в четырех стенах женщина находила свой выход. А Саша нашла свой. Когда было горько, до слез – очень хотелось выпить. И она пила. Когда было одиноко так, что хотелось выть, – она не выла. А выбиралась в бары и общалась с мужчинами. Тень внутри не один день расширялась, наполнялась, укреплялась. Саша все больше уступала. Алкоголь вводил ее в злое, агрессивное и страстное состояние. Эту смесь нужно было куда-то сливать.

Со следующим любовником повезло. Тридцатилетний футболист, выше ее на целую голову. Где он работал, Саша не знала. Не спрашивала. Говорил сам, что играет в футбол. Что любит качаться в зале. Что любит дорогие машины и женское тело. Но немного позже Саша и сама это поняла.

Нет, с ним она не кончила за две минуты. Да и за пять, и за семь минут получить оргазм не смогла. Это всегда было непросто: настроиться друг на друга; найти положение тел, в котором определенные точки соприкоснутся так, что станет до боли хорошо; войти в общий ритм; двигаться без усталости, давать и брать, чувствовать свое тело, знать, как в случае чего самой довести себя до оргазма.

Футболист подошел ей физически. И это было прекрасно.

Да, она не испытала оргазм ни за сколько минут, но получила то, зачем пришла, – полноту. Мужское, не отталкивающее, вполне симпатичное тело лежало на ней, двигалось в ней, обнимало ее. Сексом хотелось считать именно это, а не сухое название вульв, пенисов и описание их механических действий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.